

ИРИНА ГРИН

ЭФФЕКТ
ПРОЗРАЧНЫХ
СТЕН

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Ирина Грин
Эффект прозрачных стен
Серия «Переплетение чувств»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36067495
Эффект прозрачных стен: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095686-9*

Аннотация

Бизнесмен Прохор Тарасов обратился в детективное агентство «Кайрос» и попросил найти свою настоящую дочь. Няня Неонила вдруг сообщила, что на самом деле ребенок Тарасовых – ее! Но Прохор присутствовал при родах, и девочка выросла точной копией его жены! Однако экспертиза подтвердила правоту няни...

Ася устроилась к Тарасовым вместо уволенной Неонилы, чтобы получать из первоисточника необходимую для расследования информацию. Помимо служебного, у нее был и личный интерес, в котором она даже себе не признавалась...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	50
Глава 4	59
Глава 5	66
Глава 6	71
Глава 7	78
Глава 8	92
Глава 9	107
Глава 10	111
Глава 11	115
Глава 12	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Ирина Грин

Эффект прозрачных стен

© Грин И., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Кристина толкнула дверь с до блеска отполированной латунной табличкой, украшенной строгим логотипом и надписью с названием фирмы. Приветственно звякнул колокольчик. В офисе стоял насыщенный аромат свежесваренного кофе. К сожалению, это была лишь верхняя нота аромата. В следующую секунду нос уловил среднюю ноту офисного духа – тягучий аромат дешевого фастфуда: гамбургеров, чизбургеров, картошки фри, чипсов, луковых колечек и иже с ними. Но запах этот не мог испортить настроения. Это был ее офис, офис агентства «Кайрос», основанного совсем недавно Кристиной и тремя ее друзьями: Тимуром Молчановым, Иваном Рыбаком и Асей Субботиной. Чуть позже к ним примкнул Федор Лебедев, талантливый программист, способный отыскать в Интернете любую, даже наисекретнейшую информацию. Именно он, а точнее, его стол, постоянно набитый всякой снедью, и служил источником раздражающего запаха. Вопреки расхожему мнению, уничтожая килограммами вредные продукты, Федор был весел, энергичен, иногда даже чересчур, и худ, словно велосипедная рама. Вот и сейчас, едва заведя Кристину, он вскочил и радостно завопил:

– Опаздываете, Кристина Сергеевна!

Кристина поморщилась – ей не нравилось, когда ее назы-

вали по отчеству, словно тетку предпенсионного возраста.

– А вот и нет, – она бросила взгляд на часы на запястье.

– А вот и да! Звонили из «Железобетона», курьер в отпуске, и за отчетом заедет сам Тарасов. – Последние два слова Лебедев произнес той особой интонацией, которой медиумы сообщают внимающим им слушателям о явлении представителя потустороннего мира.

– Ну и что? – Кристина пожала плечами. – Отчет готов, лежит у меня на столе. Какая разница, кто его заберет – мальчик на побегушках или генеральный директор фирмы? Ты бы и сам прекрасно справился.

– Ну нет! Генеральный директор, в отличие от мальчика, должен общаться с генеральными директорами. И потом, вы не слышали, как трепетала в трубке секретарша. Как будто это не генеральный директор, а сам папа римский собирается посетить наш офис.

Кристина хмыкнула – трепет перед начальством, тем более чужим, никогда не входил в ее привычки, – но тем не менее повернула ручку жалюзи, впуская в помещение свет апрельского утра, и приоткрыла окно на проветривание.

Возглавляемый Прохором Тарасовым «Железобетон» был одним из крупнейших среди пока еще немногочисленной армии клиентов детективно-консалтингового агентства «Кайрос». Несмотря на то что слово «детективное» было первым в названии агентства, занималось оно в основном консалтингом. Клиенты, которых отыскивал Тимур, бывший

владелец банка, передавали «Кайросу» на аутсорсинг часть задач внешней безопасности предприятия, таких как проверка контрагентов, внешний аудит безопасности предприятия, конкурентная разведка. На бумаге это звучало очень внушительно, но на деле сводилось, как правило, к проверке кандидатов при приеме на работу и функциям «тайного покупателя». Более близко подпускать к контролю за бизнесом сторонних сотрудников, доверять им сведения, являющиеся коммерческой тайной, компании даже с идеально прозрачной налоговой историей не рисковали.

Если с кандидатами на работу дело обстояло достаточно благополучно, то для «тайного покупателя» в «Кайросе» подходящей кандидатуры не было. В Тимуре, даже переодетом в самый что ни на есть демократичный наряд, невооруженным взглядом угадывался человек из контролирующих органов, поэтому обвешивать, обсчитывать его или грубить ему никто не рисковал. Как, впрочем, и Ивану Рыбаку, здоровяку ростом под два метра с выпирающими из-под пиджака бицепсами, нахамить которому мог бы только полный идиот. Здесь бы идеально подошла Ася Субботина, у которой прямо-таки на лбу написано: «Обманите меня, пожалуйста! Заранее огромное спасибо!» Но после первого опыта детективной работы Ася поняла, что не приемлет не очень честных методов работы частного сыска¹. Мало того, этот опыт поссорил Асю и Ивана, питавших друг к другу особые

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

чувства.

Кристина была уверена – все наладится. Нужно только немного потерпеть, и Ася успокоится, вернется в их ряды, помирится с Иваном. «Кайрос» начнет заниматься детективной деятельностью. Начнет и обязательно выиграет.

Звякнул колокольчик. Кристина мысленно поправила прическу и обернулась, готовясь увидеть генерального директора «Железобетона». Но в офис вошел Тимур Молчанов. Как всегда, собранный и серьезный, он поздоровался с Кристиной, пожал руку Федору и уселся на кожаный диван.

– Ну, что у нас новенького? – спросил он, закидывая ногу на ногу.

– Сейчас «Железобетон» придет за отчетом, – важно сообщил Федор. – Сам генеральный.

– Сам? С чего бы это? Сто лет его не видел. Интересно будет встретиться. Может, пока кофе? – вопрос был адресован Кристине, но Федор радостно заявил:

– Ага! Мне двойной, пожалуйста.

– Будет сделано, – Тимур легко поднялся с дивана и принялся колдовать с кофемашиной.

В это время офисная дверь распахнулась, и в помещение быстрым шагом вошел мужчина лет тридцати пяти – сорока с кожаной папкой под мышкой. Он совсем не был похож на генерального директора солидной фирмы, скорее на курьера. Вот только курьеры не ходят в костюмах *bespoke*².

---

² Bespoke (от английского *be spoken* – «заранее оговоренный») – костюм руч-

Мгновенно оценив обстановку, он напрямик направился к Тимуру, очевидно признав его за начальника. В следующую секунду лицо его озарила улыбка узнавания.

– Михалыч? Приветствую!

– Здравствуй, Прохор! – Молчанов протянул посетителю руку. – Тебя каким ветром занесло в наши края? Курьера уволил?

Шеф «Железобетона» изобразил вежливую улыбку:

– Нет, решил временно узурпировать его место. А если честно, тебя искал. Мы можем где-нибудь поговорить? – он покосился на дверь переговорной.

– Давай уточним: это касается работы, или тебе просто хочется вспомнить годы молодые?

Тарасов задумался, и на мгновение в офисе «Кайроса» воцарилась тишина, нарушаемая надсадным «кашляньем» кофемашины.

– Просто если предаться воспоминаниям, – пришел на помощь старинному приятелю Молчанов, – тут неподалеку есть неплохое кафе. Рабочие же вопросы мы обсуждаем в переговорной. Кристина Сергеевна – наш генеральный директор, и мы с удовольствием слушаем тебя.

– Кристина Сергеевна? – гость посмотрел на Кристину так, как будто впервые заметил, что в офисе, кроме него с Тимуром, кто-то находится.

ной работы, сшитый на заказ по индивидуальным лекалам, учитывающим все анатомические нюансы фигуры клиента.

– Можно просто Кристина, – Кристина шагнула вперед и протянула руку.

Тарасов ответил на рукопожатие. Идеально выбритое лицо хранило полную невозмутимость, но в небрежном движении руки читалось явное неодобрение происходящего. Очевидно, генеральный директор «Железобетона» принадлежал к разряду мужчин-шовинистов, отрицающих наличие у женщин логики как таковой.

Колебался Тарасов недолго.

– О'кей! Пусть будет Кристина Сергеевна, – кивнул он.

– Может, кофе? – спросил Тимур, открывая перед гостем дверь переговорной.

– Нет-нет, – замотал тот головой, проходя вперед и осматриваясь.

– Я не понял, а где мой кофе? Двойной! – довольно громким шепотом возмутился Лебедев. – Тимур Михайлович!

– Момент, Федор Андреевич! – излишне виноватым тоном отозвался Молчанов. – Сейчас будет готово!

Пока Молчанов возился с кофемашиной, Кристина прошла за Тарасовым в переговорную.

Тимур считал момент эстетики очень важным. И пусть денег у фирмы пока нет, клиенты не должны об этом догадываться. Большой дубовый стол со скругленными углами, восемь (по четыре с каждой стороны) черных кожаных кресел с хромированными крестовинами и высокими эргономичными спинками, кожаные папки с бумагой для записей, боль-

шой экран с изображением логотипа фирмы – все смотрелось добротно и основательно. Напротив двери – огромная, почти во всю стену, картина, названная автором «Город в тумане». Выполненная сепией, она пришлась по душе всем сотрудникам «Кайроса», хотя, по мнению Кристины, тумана было слишком много. Картина не только украшала стену, но и служила своеобразной шторой, надежно заслоняющей переговорную от любопытных глаз уличных прохожих. Мягкий свет, проникавший в комнату из-за картинной рамы, создавал в помещении доверительную атмосферу. Усевшись в удобное кресло, клиент, сам того не ожидая, проникался ею и порой рассказывал хозяевам офиса чуть больше, чем изначально планировал.

Обычно гости, осмысленно или руководствуясь интуицией, предпочитали сидеть спиной к картине и к свету. Тарасов же, не дожидаясь приглашения, сел к ней лицом.

– А неплохо живут господа аутсорсеры, – сказал он, обращаясь к вошедшему в переговорную Молчанову. – Мне всегда казалось, что аутсорсинг несколько противоречит российскому менталитету.

– И это говорит клиент аутсорсинговой компании, – улыбнулся Тимур и, предвосхищая возражения Тарасова, добавил: – Знаю, знаю, ты у нас с детства по заграницам, поэтому российским менталитетом не испорчен.

– Менталитет – такая штука, которая существует в тебе независимо от страны проживания. И потом, ты же знаешь,

большую часть существования «Железобетона» им руководили именно аутсорсеры. Отец лишь создал фирму, разработал бизнес-стратегию, нашел первых покупателей и...

– И?.. – вмешалась в разговор Кристина.

– И умер. Сорок лет. Инфаркт.

– Извините, – пробормотала Кристина, ругая себя за бестактность.

– Это было давно. Мне только исполнилось двенадцать. Отец мечтал, чтобы я пошел по его стопам, и в десять лет отправил учиться в колледж в Швейцарию. Потом Оксфорд, стажировка в Штатах – и вот я здесь, – Тарасов развел руки, словно пытаясь загрести ими понравившееся помещение. – Если честно, наемные управляющие были более эффективны, чем я, несмотря на элитное образование.

– Кстати, ты можешь поручить нам, и мы с удовольствием найдем места, в которых ты не проигрываешь в эффективности предыдущим управляющим, – сказал Тимур. – Кристина Сергеевна у нас в этой теме прямо-таки ас.

Он сел за стол напротив гостя. Кристина устроилась рядом, раскрыла папку, достала лист бумаги.

– Я подумаю над твоим предложением. Сейчас меня беспокоит другое...

Тарасов замолчал, Кристина внимательно изучала клеточки на бумажном листе. С улицы доносилась негромкая птичья трель.

– Мне нужен детектив, – после долгого раздумья заявил

Тарасов. – Частный детектив. Хороший. Я хочу, чтобы ты занялся. Ну, или подыскал кого-нибудь толкового.

– Детектива? – сказано это было таким тоном, что не знающий Тимура человек решил бы, что частный сыск – его конек. Но Кристина знала Тимура. Не то чтобы прямо досконально, до кончиков ногтей, но достаточно, чтобы понять, что Тимур сомневается. Опыта настоящей детективной деятельности у агентства не было. Да, у них есть Рыбак – бывший опер, с оставшимися со времени службы знакомствами и связями. Есть Федор, способный выудить любую информацию. Но это все. С другой стороны, нужно же им хоть с чего-то начать. Хоть с самого маленького дела... – Давай так, – наконец решился Тимур, – ты изложишь суть, мы займемся, а если нужно будет, подключим дополнительные ресурсы.

– Я надеюсь, понятие конфиденциальности вам не чуждо?

– Можешь не сомневаться, – уверил клиента Тимур. – Все сказанное останется строго между нами. Привлекаемые сотрудники будут знать только то, что им положено. Договор составим с самыми обтекаемыми формулировками.

– Договор? Зачем договор? При чем тут договор? Понимаешь, это дело – из разряда сугубо личных. И я не хочу никаких бумаг. Мне достаточно твоего слова. – Тарасов покосился на Кристину, по-прежнему не отрывавшую глаз от пустого листа, и добавил. – Вашего слова.

– Ну что ж... – Тимур свел ладони домиком и вопросительно посмотрел на клиента.

Тарасов заговорил не сразу. Он посмотрел на свои ладони, перевел взгляд на картину, а потом словно в прорубь нырнул:

– Я хочу, чтобы вы нашли мою дочь.

Кристина почувствовала, как внутренне напрягся сидящий рядом Тимур. «Это не к нам, это в полицию, – захотелось сказать ей, – причем срочно». Но она лишь оторвала взгляд от бумаги и в упор посмотрела на Тарасова:

– Вы не против, если наша беседа будет записываться?

– Нет, – он покачал головой и перевел взгляд на картину за ее спиной.

Глава 2

От Тарасова-младшего, приступившего к руководству отцовской фирмой после окончания учебы, ожидали всего – от радикальной смены топ-менеджеров до столь же радикальной смены сферы деятельности. Но он был на удивление осмотрителен и даже деликатен. Все его действия были понятны и логичны. Кроме одного – женитьбы на дочери вахтера. Студентка института культуры, будущий библиотечарь, она была умна, начитанна. На этом плюсы заканчивались. Особой красотой девушка не отличалась. Да, она была высокой и стройной, густые золотисто-рыжие волосы до плеч, выразительные глаза. Но кого сейчас этим удивишь? Вероятно, в тот день, в тот самый час, когда она забежала к отцу на работу, чтобы принести ему обед, судьба решила уравнивать шансы.

Воспользовавшись тем, что босс недавно покинул офис, отец девушки усадил ее на свое место, в стеклянную будку, все оборудование которой состояло из удобного высокого кресла и монитора, куда выводились изображения с камер слежения. Он строго-настрого запретил кого-либо пропускать на вверенный ему объект и поспешил на кухню – разогреть еду. Кухня находилась совсем рядом – в каких-то двух метрах от дежурки. Но шум одновременно включенных микроволновки и чайника помешал стражу порядка услышать

шум подъезжающей машины.

Тарасов, вернувшийся за какой-то безделицей, был сражен вопиющим несоответствием хрупкости охранницы и величиной ответственности, возложенной на ее плечи. Первым желанием было немедленно расторгнуть договор с фирмой, поставляющей таких неполноценных секьюрити. Но попытка проникнуть в офис заставила Тарасова изменить свое мнение о девушке.

– Вам придется подождать! – заявила она, строго глядя на Тарасова большими зелеными глазами из-под нелепой пушистой челки.

Он не стал кричать, топать ногами, отстаивая право прохода на запретную территорию. Вызвал по мобильному Крылова, своего зама по общим вопросам, и, скрестив по-наполеоновски руки на груди, с нарочитым спокойствием взирая на девушку. Лишь слегка побледневшие скулы могли выдать внимательному наблюдателю бурю, бушевавшую в его душе. Крылов не заставил себя ждать. Высокий, полный, чем-то напоминавший своего знаменитого однофамильца, он прибежал, громко топая ногами.

– Немедленно откройте! – задышавшись от быстрой ходьбы, потребовал он.

В ответ девушка лишь слегка покачала головой и посмотрела на Тарасова. В зеленых глазах стоял вызов. В этот момент на шум прибежал настоящий охранник с дурацким пластиковым судком в руках. Увидев бледного от гнева Тара-

сова, он покраснел, выронил из рук судок, и по проходной поплыл запах домашних котлет с чесноком. Тарасов поморщился – по роду деятельности ему приходилось помногу общаться с людьми, и он предпочитал пищу с нейтральным запахом. Во всяком случае, в рабочее время.

– Лада, открой! – охранник сокрушенно уставился на испорченный обед.

Девушка с независимым видом нажала на кнопку на пульте управления, и Тарасов наконец-то смог попасть на собственную фирму. Он стремительно шел по коридору к своему кабинету, стараясь опередить чесночный запах, который неся за ним по пятам. Позади пыхтел безнадежно отставший Крылов.

– Прохор Сергеевич? – секретарша, листавшая косметический каталог и одновременно слушавшая музыку, быстрым движением сдернула наушники и бросила их в открытый ящик стола, следом полетел каталог.

Тарасов на секунду остановился, глядя в глаза, полные подбострастного трепета, и рванул дальше. В кабинете он наконец смог дать выход охватившей его злости: пнул директорское кресло – роскошное, зеленой кожи с латунными заклепками на латунной же крестовине. Кресло покачнулось и медленно развернулось к окну, словно подсолнух к солнцу. От заклепок разбежались по кабинету солнечные зайчики.

– Ладно тебе, – примиряющим тоном сказал Тарасов, проведя пальцами по подлокотнику. Кресло свое он любил – оно

служило еще его отцу, когда тот только начинал свой бизнес. Один из первых покупателей за неимением денег рассчитался мебелью.

– Прохор!.. – В кабинет ввалился Крылов, сел на диван напротив стола молодого шефа и, достав из кармана огромный платок в сине-зеленую клетку, принялся вытирать пот со лба. Лоб, как и платок, был огромным. Наверное, из-за внушительных залысин, а может, из-за того, что Крылов был мужиком очень умным. – Прохор Сергеевич! Все в порядке. Охранник уволен...

В кабинете стоял густой чесночный дух. Тарасову внезапно сделалось жарко. По примеру Крылова он вытащил из стоящей на столе салфетницы одноразовый платок и промокнул со лба непонятно откуда взявшуюся испарину. А потом, совершенно иррационально, потребовал у Крылова принести ему личное дело охранника. Наверное, где-то в клетках подкормки его мозга – считается, что именно там рождаются наши инстинктивные решения, – запах чеснока пробудил генетические воспоминания его деда по материнской линии и тезки, Прохора Калашникова, пешком добравшегося в далеких тридцатых годах в Москву поступать в Плехановский институт. А может, причина была в чем-то другом. Но вечером следующего дня Тарасов и девушка с былинно-песенным именем Лада сидели за столиком его любимого кафе в Елочном переулке.

Кафе (оно так и называлось «Кафе») было маленьким,

располагалось в непроходном месте, но штрудель, настоящий яблочный штрудель по-венски, здесь подавали отменный – сочный, но не промокший, с тончайшим тестом и хрустящей корочкой. К нему полагался шарик мороженого. Теплый золотистый штрудель, слегка припорошенный сахарной пудрой, и холодный упругий шарик мороженого. Почти как у Пушкина – лед и пламень. Жуть как вкусно! А Тарасов, хоть и скрывал это, был отчаянным лакомкой. Наверное, не доел сладкого в детстве – в швейцарском колледже с этим было строго. И пусть маленькому, на двоих, столику, за которым они сидели, очевидно, не раз пришлось быть участником битв, о чем свидетельствовали шрамы на пластиковой, под малахит, столешнице, и сама обстановка кафе была лишена каких-либо изысков, но штрудель всегда оказывался на высоте.

Первое свидание оказалось на редкость скучным – Лада поддерживать разговор не стремилась, держалась настороженно и большей частью смотрела в одну точку, чуть выше тарасовского плеча. Мороженое в ее тарелке поскучнело, обмякло, словно мартовский снеговик, штрудель остыл. Тарасов не выдержал, оглянулся – что, в конце концов, ее так приворожило? На стене висела картина. Картина как картина. Что-то вроде той, что украшала молчановскую переговорную: расплывающиеся кляксы на сером фоне. Тарасов посмотрел на Ладу и убедился: ее взгляд, несомненно, прикован к картине. Что привлекло ее внимание к этой пятни-

стой абракадабре? Повернулся, присмотрелся внимательнее.

– Здорово, да? – тихо, словно боясь спугнуть кого-то, спросила Лада.

Тарасов понял, что речь идет о картине, лихорадочно начал вспоминать, что принято говорить в таких случаях. Концептуально, что ли? Или как? Чтобы не выглядеть идиотом, решил просто кивнуть.

Он проводил ее до подъезда, мысленно пообещав себе никогда больше...

Где-то через неделю Тарасов вдруг почувствовал странное и непреодолимое желание посетить кафе в Елочном переулке. Странное, потому что «накрыло» оно его утром, перед работой. В распорядок дня, словно в маршрутку в час пик, было втиснуто множество мероприятий – нужных и не очень, объединенных одним свойством – все они требовали его всенепременного присутствия. Утром три встречи в офисе, затем переезд на завод, куда должны прибыть представители завода-изготовителя для производства пусконаладочных работ нового программируемого логического контроллера управления смесительным модулем, и в завершение дня, так сказать на сладкое, юбилей фирмы «Стройинвестхолдинг» – одного из крупнейших покупателей «Железобетона». По этому поводу организован банкет с «цыганами и медведями». Форменное убийство вечера, но идти надо. Такие клиенты, как «Стройинвестхолдинг», на дороге не валяются, они по ней ездят – курсируют между объектами.

Встретиться с ними на подобной тусовке – редкость. Это еще отцовские друзья, бойцы, проверенные годами совместной работы. Хотя, если отцовские, вполне может сойти Крылов. Тарасов уже собрался было позвонить Крылову, как вспомнил, что тот с раннего утра «окучивает» Кулибиных, смастеривших тот самый контроллер, который будут сегодня после обеда запускать на заводе. Крылов лично встречал их в аэропорту, устроил в гостинице, откуда в полдень должен забрать, покормить где-то в городе и доставить на завод.

Завод Прохор Тарасов не любил. Понимал, что только благодаря ему он стал тем, кем стал. Но не любил. Да что там любить? Развалюху-завод, который Тарасову-старшему и Крылову удалось купить за совсем смешные деньги при развале Советского Союза? Вернее, тогда завод уже умер, и друзьям достались изрядно обглоданные кости. И до сих пор Крылов, а теперь и Тарасов-сын делают на этих костях бизнес. Причем очень успешно. Конечно, поначалу беспрестанные денежные вливания в ремонт были оправданны. Но теперь? Сколько можно устанавливать современные заплатки на допотопные подштанники? Почему не утилизировать имеющееся оборудование, не купить пару модульных быстромонтируемых заводиков? Так нет же. Крылов боится потери качества. И сколько ни доказывай, что качество по большому счету зависит не от оборудования, а от инертных материалов и цемента, у Крылова свои аргументы – из русской печи пироги вкуснее, чем из газовой. Но далеко бы ушел

прогресс, если бы мы до сих пор сидели на русской печи! Емеля, черт его дери, – национальный герой! Эта поддержка отечественного производителя больше смахивает на неуклюже закамуфлированную благотворительность. Мать, та в открытую ею занимается – какие-то центры медицинские спонсирует, хотя тоже не без умысла: попутно открыла в Липовске дом престарелых для VIP-клиентов. На каждого пациента – две санитарки и медсестра. Врачи только высшей категории. Ценник – как на пятизвездочном курорте. Еще один проект – клиника красоты. Опять же страшно дорогая. Наверное, она и сама ею активно пользуется, потому что в свои шестьдесят выглядит просто замечательно. Нет, конечно, никаких силиконовых излишеств – ухоженное, без малейшего намека на пластику лицо, отличная стрижка на коротких седых волосах. Из косметики – только сдержанного тона помада. Одежда спокойных тонов – юбка на пару сантиметров ниже колена или брюки, джемпер, пиджак. Все просто. И очень дорого.

Прохор тоже вложил свою лепту в семейный бизнес – создал сеть магазинов по продаже сопутствующих товаров в спальных районах. Цены низкие, качество ценам соответствует, но торговля идет бойко. Есть даже свои оптовики – бабушки, перепродающие тарасовские товары своим же товаркам или прохожим у автобусных остановок. Таким образом, у Тарасова тоже имелся свой благотворительный проект.

И все-таки в фирме бетон давал самую большую прибыль. На втором месте стояла материнская тема. Магазины Прохора плелись в хвосте. Уж слишком они были затратными.

Больше всего его раздражало то, что любое предложение по усовершенствованию завода мать с Крыловым воспринимали в штыки. Мол, это память об отце. Ну крыловская косность ему была понятна. А мать? Почему она не хотела его поддержать? Почему все время поддерживала Крылова? Крылов не был полноправным партнером. У матери и отца в уставном капитале было по сорок пять процентов, а у Крылова только десять. Почему так получилось – Тарасов не вникал. После смерти отца его доля перешла к сыну, и теперь при решении спорных вопросов мать всегда становилась на сторону Крылова, и Тарасов оставался в меньшинстве. Почему? Он не знал. Ведь, по логике, мать всегда должна становиться на сторону сына. Но не становилась. Может, боялась, что следующим после завода реформам подвергнется ее богадельня? Иногда Тарасову казалось, что этот дом престарелых мать создавала с расчетом когда-нибудь занять в нем одни из апартаментов. Он бы не удивился. Она привыкла жить одна в коттедже прямо на территории клиники, и когда Тарасов предложил переехать к нему в городскую квартиру, наотрез отказалась, чему он был только рад. Он навещал ее один-два раза в месяц, привозил цветы – она очень любила тюльпаны. Иногда заставал у матери Крылова. Она всякий

раз заметно смущалась, хотя в повседневной жизни это чувство было ей чуждым. Тарасов причины смущения не понимал – он не был против близких отношений матери с Крыловым, даже несмотря на то, что это бы укрепило их альянс в отстаивании своей позиции в вопросах руководства фирмой.

Фактически все бразды правления были в руках у Прохора: общение с поставщиками и покупателями, прием и увольнение сотрудников, транспортная и складская логистика, реклама, маркетинг и ценообразование. Желая дистанцироваться от завода, он выкупил первый этаж трехэтажного делового центра с отдельным входом и устроил в нем офис. Прохор руководил фирмой, опираясь на собственные знания и постепенно накапливающийся опыт. Крылов никогда не подвергал сомнениям его распоряжения. И только с заводом Прохор ничего не мог поделать, и это выводило его из себя. Завод в глазах Тарасова имел только один плюс – огромную территорию. И пусть половина ее благополучно заросла бурьяном, это была своя земля, на которой можно было строить все, что угодно. Новые заводы, склады и даже, чем черт не шутит, магазины. Правда, так далеко за город бабушки не поедут. Но для оптовиков с их большегрузным транспортом есть где развернуться.

В тот день три запланированные встречи превратились в пять. На ходу завизировав кадровые документы, Тарасов помчался к выходу. На проходной ему вдруг вспомнилась Лада, забавное приключение с ужином. Откуда-то явственно

потянуло чесноком, и призрак Елочного переуллка, задремавший было в голове Тарасова во время исполнения обязанностей шефа «Железобетона», проснулся. При виде Тарасова охранник вежливо встал, по-военному отдал честь и нажал на кнопку.

Когда Прохор вырулил с парковки, призрак уже вовсю разбушевался. Он напомнил, что завтрак и три чашки кофе в офисе – недостаточно для активной работы мозга, что по пути на завод необходимо съесть чего-нибудь еще. В этот момент синий «Мерседес» опасно подрезал тарасовский «Ниссан», и Прохор приказал голосу в своей голове заткнуться.

Однако, когда красочный городской пейзаж сменила унылая и однообразная промзона с пыльными деревьями на голых обочинах, Тарасов не выдержал. И хотя вдали уже показались скучно-серые силосы цементного завода, подпирающие такое же скучно-серое небо, Тарасов со словами «как же меня все задрало» развернулся, не обращая внимания на сплошную, и помчался в город.

Не считая женщины за барной стойкой, в кафе никого не было. Она улыбнулась Тарасову. Не дежурно, одними губами, а по-дружески, словно старому знакомому. Странно, ведь он никогда ее раньше не видел. Сколько бывал здесь, его обслуживал один и тот же парень – молодой, высокий, с длинными волосами, забранными в хвост.

Ноги сами повели Тарасова к столику, где в последний раз они сидели с Ладой. Только сел он на место, где сидела де-

вушка, и оказался лицом к лицу с заинтересовавшей ее картиной. «Здорово, да?» – всплыли в памяти ее слова.

Официантка, та самая женщина из-за барной стойки, принесла заказ. Ей было уже под пятьдесят. А может, и за. Полная, невысокого роста. Доброе бледное лицо усыпано веснушками, зеленые глаза устало улыбаются, рыжие волосы с проседью собраны на макушке в узел. Длинный черный фартук почти до пола не скрывает отекавших лодыжек. «Наверное, к вечеру у нее сильно болят ноги», – подумал Тарасов и удивился странному чувству жалости, которое абсолютно неожиданно вызвала у него эта абсолютно чужая женщина. О матери своей он никогда так не думал, хотя у матери никогда ничего не болело. Она была собранной, целеустремленной, готовой к любому повороту событий, при этом ни о чем не беспокоясь и ничего не оценивая.

– Что это за картина? – спросил он, когда принесли заказ.

– Не знаю, – женщина неопределенно пожала плечами. – Муж купил, когда мы только открывали это кафе. Сказал, что художник очень талантливый. Когда умрет, картине цены не будет. Знаете, как Ван Гог... Он же при жизни продал только одну картину, причем своему другу, а теперь его картины стоят сумасшедших денег.

– Ну и как художник? Не умер пока? – уточнил Тарасов.

– Не знаю... Муж умер... а художник? Кто его теперь знает... Да и не продашь теперь...

– Почему?

– Висит давно, стена выгорела. Снимешь картину – останется пятно, нужно будет ремонт делать. А делать некому. Я да сын. Кого-то со стороны нанимать, так все деньги от продажи картины и уйдут. По нынешним временам ремонт, даже косметический, хуже стихийного бедствия.

– Так вы хозяйка этого кафе? Как вас зовут? – запоздало дошло до Тарасова.

– Хозяйка, да. Мариванна меня зовут. Вы кушайте, кушайте... – Она развернулась, пошла к стойке, и Тарасов понял, что чем-то огорчил эту женщину. Может, разбудил воспоминания об умершем муже? А может, она грустит из-за отсутствия денег на ремонт? Вряд ли кафе приносит большой доход. Он никогда не видел, чтобы здесь было много посетителей. Человека три-четыре максимум. Мариванна... Имя такое домашнее, уютное, вкусное.

Прохор отрезал кусочек штруделя, наколот на вилку и уже почти положил в рот, как за спиной мелодично тренькнул колокольчик. Ну вот, еще кто-то пришел, мысленно порадовался за Мариванну Тарасов, а в следующую секунду он порадовался еще раз. И на этот раз за себя. Потому что этим новым посетителем была Лада. Золотистые кудри, широко распахнутые глаза, удивленно глядящие из-под пышной челки.

Он подскочил, уступая девушке свое место, – ведь она наверняка хотела сидеть лицом к поразившей ее воображение картине. Но она покачала головой, подвинула стул и села со-

всем рядом. Их плечи почти касались, и это было здорово.

Если честно, Тарасов немного боялся женщин. Нет, конечно же, у него были ни к чему не обязывающие интрижки, но впускать женщину вглубь своего «я» он не собирался. Когда-то давно ему на глаза попались замечательные строки.

О женщины! Когда меня вы обнимали,
Бескрылые тайком мне крылья подрезали,
Крылатая – свои мне отдала³.

Это было как вспышка, как внезапное озарение. Тарасов сделал эти строки своим девизом, выгравировав их на невидимом щите, за которым надежно спрятал сердце. Не являясь экспертом по женщинам, он предпочел всех их считать однозначно бескрылыми. Да, красивыми, добрыми, обаятельными, даже умными. Но бескрылыми, способными в любой момент обвить его своими чарами и лишить крыльев. Он готов был согласиться, что эта позиция была несколько однобокой, и может быть, из-за нее он может пропустить ту, настоящую, крылатую... Но так удобнее. До поры до времени.

Но тогда, в кафе, ощущая легкий запах духов сидящей рядом Лады, он вдруг почувствовал, как дрогнула рука, сжимающая этот самый щит, как захотелось вдруг выбросить его, а там будь что будет.

---

³ К.Ф. Ковалев «О жизнь моя! Ты вся из вечных снов...»

Лада, казалось, была очень далеко от его душевных терзаний. Отказавшись от десерта, она заказала эспрессо и погрузилась в молчаливое созерцание.

Прохору же, напротив, хотелось разговаривать. Он смотрел на фарфоровую раковину ее уха – тонкую, полупрозрачную, обрамленную завитком светлых волос, и чувствовал, что сейчас сморозит какую-нибудь отчаянную глупость. И сморозил-таки.

– Чем-то напоминает Ван Гог, не находите? – сказал он тоном знатока. – Бедняга Ван Гог! При жизни смог продать только одну картину...

Лада оторвала глаза от картины и посмотрела на Тарасова. Выражение лица ее было серьезным, но все, от челки до слегка припухлой нижней губы, смеялось над доморощенным искусствоведам. «Она же учится в институте культуры», – пришло к Тарасову запоздалое прозрение, но ведь слово не воробей...

– Ван Гог? Я бы не сказала... И насчет единственной картины – это всеобщее заблуждение. На самом деле картин он продал гораздо больше. Просто прожил он всего тридцать семь лет, рисовал последних десять. Из них восемь – учеба, поиски себя, своего стиля, оттачивание мастерства. Потом – расцвет и... – она сделала маленький глоток кофе. – А яблоки эти...

Тарасов подумал, что она говорит про его штрудель, и хотел было снова предложить ей десерт. Кто ее знает, может,

денег у нее нет, вот и отказывается. Но, помня о недавнем фиаско при попытке проявить эрудицию, решил не торопить ее и дать возможность закончить фразу. Ему вообще никуда не хотелось спешить. Почему-то вспомнился старинный фильм о Золушке, когда волшебник отправил принца с Золушкой в волшебную страну. О чем они говорили, Прохор позабыл, помнил только неумолимый механический голос: «Ваше время истекло, кончайте разговоры». Его время истекло еще до того, как он попал в этот сказочный мир.

– Вы же посмотрите, какие они, – сделав маленький глоток, продолжила мысль Лада. – Яблоки оптически оторваны от полотна, будто живут отдельно от него. Они с одной стороны мягки и ненавязчивы, с другой в них чувствуется посыл художника. Будто он говорит нам...

«Ага, говорит, – подумал Тарасов. – Знаем мы этот посыл: берегите природу, мать вашу!»

– Не говорит, а кричит, – после небольшой паузы продолжила Лада. – Кричит о своем одиночестве. Огромном. Просто вселенском одиночестве.

– Почему вы так решили? – не выдержал Тарасов.

– Яблоки... Адам и Ева. Мужчина и женщина. Только здесь, видите, женщины нет...

Лада еще немного помолчала, встала, разгладила ладонями юбку.

«Юбка как у матери, – заметил при этом Тарасов, – чуть ниже колена. Хотя зачем прятать такие замечательные коле-

ни? Ведь они наверняка замечательные».

– Я провожу! – это было сказано тоном, не терпящим возражения. Впрочем, она и не думала возражать. Тряхнула челкой, попрощалась с хозяйкой кафе. Когда они выходили, над дверью радостно тренькнул колокольчик.

Пока шли от кафе к машине – она на полшага впереди, – Прохор вдруг почти физически ощутил тоску по недавней близости ее плеча. Понимал, как это глупо, и все же хотел как можно быстрее приблизиться к нему. Да что там приблизиться! Врасти в него, как врастают друг в дружку сиамские близнецы в материнской утробе. Но за дверями кафе мир-сказка закончился, уступив место миру-были, о чем возвестил сигнал тарасовского мобильного телефона.

Звонил Крылов.

– Антон Павлович, я уже практически подъезжаю, – заявил Тарасов. (Это Крылова так звали – Антон Павлович, прямо как Чехова.)

– Слушай, Прохор, – по телефону Крылов обращался к Тарасову на «ты», мотивируя это тем, что когда-то носил маленького Прохора на руках. Тарасов, в принципе, не возражал, тем более что на людях Крылов этот факт из своей биографии напрочь забывал. – Тут все срослось, так что можешь не спешить. Я хочу напомнить о вечернем мероприятии. У меня – хоть разорвись – не получится. Вся надежда на тебя. А тут такая ерундовина получилась...

– Что за ерундовина?

– Козлова сегодня на работу не пришла. С Томом беда. Она с утра в клинике. Капельницы какие-то и прочая дребедень. Не до гулянок. Так что придется тебе, Прохор Сергеевич, самому... Да, самому...

Последние слова были приправлены такой изрядной порцией сарказма, что даже глухой почувствовал бы. Людмила Григорьевна Козлова, секретарь Крылова (ей больше нравилась формулировка «помощник руководителя»), бессменно сопровождала Тарасова на все официальные вечерние мероприятия. В меру яркая, в меру красивая, в меру стройная, умная и эрудированная, она была украшением фирмы. Истинного возраста ее никто не знал. По паспорту вроде тридцать пять, но злые языки болтали, что работу в «Железобетоне» она начала, когда Прохор еще не родился. Но это его несколько не смущало. Заводить отношения с Людмилой Григорьевной он не собирался. Не укладывалась она в его критерии настоящей женщины. Такая не просто подрежет крылья своему спутнику, она их начисто оторвет. Наверное, Тарасов был не одинок в своей оценке, и единственным другом красавицы Людмилы являлся ее кот – вислоухий шотландец Том.

– Черт! – не сдержался Прохор. Очарование момента как ветром сдуло. Появись он на мероприятии один, и женская половина собравшихся решит, что он в свободном поиске, и откроет на него сезон охоты. Уж что-что, а опыт в подобных делах у Тарасова имелся.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила Лада.

Он посмотрел на нее и понял – а ведь действительно тревожится.

– Да все в порядке, – с досадой бросил он. Задумался на пару мгновений, а потом выпалил: – А вы не могли бы мне помочь?

Узнав, в чем заключается помощь, она не ломалась, не смущалась, просто сказала твердо:

– Конечно.

Прохор довез ее до дома – подъезда в панельной девятиэтажке, обрамленного двумя чахлыми акациями, – и, договорившись забрать через три часа, задумался, куда же двинуться дальше. На завод можно не ехать, добро от Крылова получено. Остается два варианта: домой или в офис. Тарасов посмотрел на себя в зеркало заднего вида, задумчиво провел рукой по начинавшей отрастать щетине. В отличие от большинства мужчин, щетина не придавала тарасовскому облику брутальности. Напротив, она делала его каким-то жалким, незащищенным. Поэтому он всегда старался бриться перед ответственными мероприятиями. Но сейчас вид еще вполне сносный, можно не заморачиваться и ехать в офис. В его кабинете на всякий случай имеется парадный костюм. Похоже, сейчас как раз такой случай... Стоп! Костюм! Вот же я тормоз! Тарасов еле сдержался, чтобы не треснуть себя хорошенько по лбу. Костюм... Нет, в своем костюме он не сомневался. А вот Лада... У Людмилы Григорьевны имелся це-

лый гардероб вечерних туалетов. Платья, подчеркивающие ее красоту, не переступая при этом грани приличия. А у Лады? Студентки, дочери охранника, человека с ружьем? Тарасов вспомнил смешную челку, скромную юбку... За себя он не волновался, а вот Лада... Зря он ее позвал. Нужно сейчас же позвонить. Сказать, что планы поменялись. Лучше потом пригласить ее в какое-нибудь другое место. Менее претензионное.

Он вытащил телефон, нашел ее номер... Нет, на ходу не получится. Перестроился в правый ряд, притормозил. Нажал на кнопку... И понял, что не сможет отказаться от встречи. Не сможет, и все тут.

Когда Тарасов приехал через три часа, девушка уже ждала его у подъезда. То есть сначала он не понял, что она ждет его. Он не понял, что это Лада. Смешная детская челка превратилась в блестящую гладкую волну, льнущую к нежному, слегка взволнованному лицу. Чуть подведенные зеленые глаза светились ожиданием. В туфлях на каблуках, темном длинном плащике с то ли маленькой сумкой, то ли большим кошельком в руках она казалась картиной, обрамленной двумя акациями. Сейчас они не были чахлыми. Да и акации ли это были? Может, яблони из райского сада? Яблони и яблоки... Мужчины и женщины...

Но еще больше он удивился, когда она сняла свой плащик. Платье ее было странным. Темно-синим, очень простым, лаконичным, без каких-либо попыток подчеркнуть ее красоту

и все-таки подчеркивающим. Гораздо больше, чем откровенные платья Людмилы Григорьевны. Дополняла костюм белоснежная нитка жемчуга.

– Очень красивое платье, – сказал Тарасов.

– Правда? – Лада зарделась от удовольствия. – А я боялась, что вам не понравится.

– То, что я не очень разбираюсь в Ван Гоге и нарисованных яблоках, еще не означает, что я не могу оценить красоту женского платья, – он нахмурил брови, изображая возмущение, но она не испугалась, ответила улыбкой, такой же белоснежной, как жемчужины на ее шее.

– Это платье в стиле Жаклин Кеннеди. Я сама сшила.

Она ждала ответной реплики, но Тарасов молчал, сраженный ее словами. Нет, не тем, что она сама сшила платье. Сшила и сшила. Значит, умеет. Но Жаклин Кеннеди... Знаменитая жена знаменитого президента. Женщина, которую называли Американской королевой. Которая была действительно крылатой.

Тем временем вечер шел по сценарию. Речи, тосты... Тарасову тоже пришлось сказать тост. Стоя с бокалом шампанского в руке на небольшом помосте рядом с музыкантами, он поискал глазами Ладу и увидел, как она разговаривает с одним из собственников «Стройинвестхолдинга» со смешной фамилией Посыпкин. Лада улыбалась, а ее собеседник, нагло ухмыляясь, практически пожирал девушку глазами. Тарасов чуть не задохнулся от охватившей его злости. Зара-

нее заготовленные слова смешались в голове в непристойную абракадабру. Захотелось запустить бокалом в физиономию Посыпкина. Но в этот момент Лада обернулась, глаза их встретились, и слова встали на место.

И все-таки окончание тоста он скомкал. Не глядя, поставил бокал на стол и стремительно направился к Ладе. Девушке в лаконичном платье и с многословными глазами. Он шел сквозь толпу, не видя никого, кроме этих глаз, словно быстороходный катер, взрывая волны, идет на свет маяка.

Они покинули вечер, когда веселье только начало набирать обороты. Тарасов выпил совсем немного, но не хотел садиться за руль и вызвал такси. Лада тоже выпила и, наверное, только поэтому, устроившись на заднем сиденье машины, тут же скинула туфли. Подняла их с пола и поставила рядом с собой.

– Чтобы не забыть, – пояснила с извиняющейся улыбкой.

Туфли были не маленькие, Золушкины. Вполне себе нормальный размер. Только узкие. Тарасов сразу представил ее ступню – белую, узкую. Ей, наверное, холодно там, на полу, в прозрачных колготках. Ладони у Лады были такими же – длинными и узкими. Тарасов взял одну, прижал к губам. Что было позже, он помнил смутно. Нес какой-то бред про яблоки, венские штрудели, лед и пламень, как у Пушкина...

А дальше все шло абсолютно по Пушкину:

Сперва взаимной разнотой

Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И вскоре стали неразлучны.

Через месяц после встречи на проходной офиса «Железобетона» Лада переехала к Тарасову.

Прохор не забыл кафе, которое сблизило их. Памятуя, что наткнулся на это заведение, когда ехал с заинтересовавшей его лекции по земельному праву, проходившей в расположенном неподалеку институте, он предложил Мариванне проект развития. Причем сам же готов был выступить инвестором этого проекта. Разумеется, она согласилась. И процесс пошел. В первую очередь Тарасов хотел сменить вывеску. А если точнее – название. По известным причинам ему очень нравилось имя Лада. Но Лада была категорически против. После долгих препирательств нашелся компромисс – «Эллада». За сменой имени шел косметический ремонт и перепланировка помещения. Надо ли говорить, что дизайн взяла на себя Лада. С утра до вечера она торчала в кафе, сама красила, мыла, клеила, обдирала и снова красила. В результате остановилась на тепло-желтом цвете, который, по ее мнению, должен вызвать у посетителей радостное настроение и подтолкнуть к совершению импульсных заказов. По стене, на уровне глаз сидящего человека, шла белая полосо́ с изображением сцен из древнегреческой жизни. В целом смотрелось все очень здорово.

Новое название требовало внесения изменений в меню, и в кафе появился шеф-повар, научивший Ладу готовить питу, набитую разнообразными начинками, шашлычки-сувляки, дакос и буюрди с фетой и помидорами. Тарасов приобрел также новую кофемашину и нашел девушку-бариста, умеющую варить воистину умопомрачительный кофе.

Дальше обновленное кафе требовалось раскрутить. Разработкой рекламной кампании занимался лично Тарасов. Баннеры, билборды, реклама на радио и телевидении – задействовано было все. Прохор решил попытаться воздействовать сразу на две целевые группы. С одной стороны, студенты, желающие быстро и недорого перекусить, с другой – люди, следящие за своим здоровьем. И если с первой все обстояло более-менее благополучно, достаточно было лишь отправить отряд промоутеров с флайерами, обещавшими предъявителям небольшую скидку, то за вторых нужно было еще побороться.

Городские газеты одна за другой разместили объемные материалы о доказанной многими авторитетными учеными пользе средиземноморской кухни, о том, что жители Средиземноморья реже болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями, болезнью Альцгеймера, страдают от избыточного веса, повышенного давления, сахарного диабета, раннего атеросклероза и прочая, и прочая. Оды овощам, фруктам, орехам, бобовым и оливковому маслу звучали с экранов телевизоров. А следом, словно невзначай, шла реклама кафе «Эл-

лада», где можно получить все это, не прилагая особых усилий.

Вскоре значительный прирост посетителей заставил Прохора задуматься о расширении. И он открыл еще два кафе. А потом ресторан греческой кухни в центре города. Там была уже совсем другая публика, а меню разнообразили элитные греческие вина. А как же без них – еще древние греки считали трапезу не полной без вина. У них это называлось «симпозиум», что означало «возлияние в компании». Сейчас это слово носит несколько другой смысл, хотя практически каждый научный и не очень научный симпозиум обязательно предусматривает банкет по окончании. Конечно, вино полезно только в небольших дозах, поэтому Прохор установил цены на таком уровне, что заказывать его бутылками было довольно накладно. Впрочем, далеко не всем.

Для выращивания овощей на громадной, заброшенной территории завода (вот когда Прохор добрым словом помянул заросший бурьяном пустырь) выросли три современные теплицы с управляемой компьютером климатической установкой, а рядом пристроилась небольшая птицеферма.

Через год кафе и ресторан приносили уже довольно стабильный доход. Прохор подумывал открыть еще один ресторан, и тут Лада, его верный соратник, краснея и смущаясь, сообщила о своей беременности.

Это было как непредвиденный удар грома. Как выстрел в спину. Как подножка.

– Может, позже? – вырвалось у него. – Сейчас совсем нехстати. Столько дел впереди. Вот откроем «Афины», – так решили назвать второй ресторан, – махнем в Грецию, отдохнем, как боги. Ты же хочешь в Грецию, правда?

В Грецию она, разумеется, хотела. Коротко кивнула головой и больше к этому вопросу не возвращалась. Прохор слышал, что беременных женщин тошнит по утрам, они периодически падают в обморок, в огромных количествах поедают соленые огурцы. И главное – толстеют. Ничего такого за Ладой не наблюдалось, и со временем он пришел к выводу, что она прибегла к каким-то женским штучкам и ребенка не будет. Рассосался он каким-то способом.

Помещение под новый ресторан нашлось не сразу. Прохор мечтал о старом особняке в центре города. Но хозяева ломили неподъемную цену за аренду. Конечно, со временем затраты окупились бы. Прохор прекрасно понимал, что все и сразу бывает только в сказках. И предложению купить дом на Пражской сперва даже не поверил – уж слишком оно казалось иллюзорным. Это был дом, построенный в начале восемнадцатого века. Двухэтажный, с внушительной резной аркой над центральным входом, который Прохор с ходу обозвал парадным подъездом. Настоящее дворянское гнездо с огромным залом на первом этаже, где когда-то наверняка устраивались балы. Дом был старым, ветхим. Ремонт наверняка обойдется в копеечку. Но цена, которую за него просили! Это была не цена, а песня! И песня эта прицепилась к

Прохору, словно назойливый мотивчик шлягера, услышанного по радио, так что ни о чем другом думать он просто не мог. Дал поручение финансистам оформлять документы для получения кредита и с нетерпением ждал дня подписания заветного договора, передававшего дом на Пражской в собственность «Железобетона».

А потом ему позвонил Крылов и будничным голосом заявил, что нужно провести собрание. Собрание так собрание, Прохор не возражал. Наверное, мать опять хочет что-то приобрести для своей богадельни. Она всегда в таких случаях звонила Крылову, а тот приглашал Прохора. Тарасов, с тех пор, как разместил на территории завода теплицы и поселил кур, не испытывал негатива при поездках туда. И в этот раз ехал, насвистывая что-то позитивное. Он зашел в крыловский кабинет, по привычке ткнулся носом в материнскую щеку и сел за стол на свое излюбленное место.

– Мы с Анной Прохоровной, – Крылов кивнул на мать, и Прохор едва сдержал улыбку – Крылов всегда называл мать Аней, а иногда, исключительно за глаза, Нюрой, но в своем кабинете, во время так называемых собраний, только Анной Прохоровной. – Мы с Анной Прохоровной, – продолжал между тем Крылов, – решили модернизировать оборудование медицинского центра в Липовске. Хотим с тобой согласовать.

И он пододвинул к Тарасову лежавшую на столе голубую пластиковую папку. Прохору снова сделалось весело. Согла-

совать они решили! Как же! Изображают игру в демократию. Как будто скажи он нет, и папочка эта спикирует прямиком в мусорную корзину. Все равно же купят! Не вовремя сейчас, конечно, совсем не вовремя. Ну, да что поделать. Пусть покупают. Кто-то делает план ювелирным лавкам, а матушка – поставщикам медтехники. Тарасов папочку все-таки открыл. Полистал, нашел итоговую строчку и чуть не задохнулся от увиденного – сумма почти в два раза превышала стоимость дома на Пражской.

– Это что такое? – он пробежался глазами вверх по составляющим этой фантастической суммы.

Ничего не значащие для него названия медицинской техники. Вот что-то более близкое – пусконаладочные работы. Сумма запредельная. Цифра с самым маленьким количеством нулей – оплата услуг переводчика.

– А переводчик зачем?

– Оборудование японское, приедут специалисты производителя, – коротко пояснил Крылов.

– А что, отечественных умельцев не нашлось?

– Умельцы-то есть, но в таком случае производитель отказывает в гарантии, – Крылов взял из рук Прохора папку, посмотрел на цифры. – Не понимаю, чего ты прицепился к этому переводчику. По сравнению с основной суммой – сущие копейки. Мы возьмем кредит под залог завода. Года за три рассчитаемся.

– Завода? Да за этот завод ни один банк и десятой доли

нужной суммы не даст.

– Добавим розницу. И общепит туда же, – Крылов состроил неуважительную мину. – Пусть послужит доброму делу.

– А то он плохому делу служит! – вспыхнул Прохор. – Ресторан и кафе нельзя, я под них беру кредит на здание под «Афины».

– А нельзя взять этот второй кредит, когда мы за оборудование рассчитаемся? – спросила мать и полезла в сумочку. То ли за платком, то ли за таблетками.

– Лучше наоборот – откроем ресторан, тогда легче будет гасить кредит, – парировал Прохор. – Через пару лет купим. Причем купим гораздо лучшее. Знаете, как прогресс идет!

– Ты понимаешь, что мы сейчас говорим о человеческих жизнях? – Мать резко щелкнула замком сумочки. – О людях, у которых нет этих двух лет! Мы можем им помочь и обязательно поможем.

Прохор понял – проиграл. Им не нужно его согласие, у них больше голосов. Японские товарищи поставят в материальной богадельне чудо техники. Бабушки и дедушки оздоровятся, скажут «спасибо». Может, свечку поставят. Не понятно только за что, то ли за его, Прохора, здоровье, то ли за упокой мечты о новом ресторане.

– Делайте что хотите, – он резко поднялся и направился к выходу.

– А если бы речь шла о жизни твоих родителей? – спросила мать.

– Не нужно меня шантажировать. – Прохор остановился у двери. – Отцу уже ничего не нужно, а для тебя я любые деньги не пожалею, ты прекрасно знаешь.

– Знаю, – согласилась мать. – Вот и считай, что эти деньги лично для меня.

– Да если бы лично! Если бы лично! Ведь у твоих пациентов наверняка есть дети, и, уверен, не бедные. Пусть раскошелятся для своих родителей. Все меньше процентов платить придется.

С этими словами Прохор покинул крыловский кабинет, не отказав себе в удовольствии громко хлопнуть дверью на прощанье.

Он долго не мог заставить себя успокоиться. Руки сжимали баранку руля так, будто он хотел ее задушить.

«Надо разделить бизнес, – пульсировало в висках, – срочно разделить. Пусть сейчас покупают что хотят, пусть у них останется завод и розница, но кафе и ресторан – целиком моя тема. Пусть на общие деньги. Но – моя. Да это же просто вынос мозга: приходят люди в ресторан, пьют вино, едят мясо и овощи, а потом получают счет, в котором значится название обслуживающей фирмы – «Железобетон». Хорошо посидели в «Железобетоне»... Просто жечь!»

Он вынырнул из грустных мыслей, только оказавшись возле «Эллады». В кафе было многолюдно. Попросив официанта принести кофе, он прошел в кабинет Мариванны, ставшей после грандиозной пертурбации директором. Ка-

бинетик был маленьким. Небольшое, забранное решеткой окошко освещало висевшую на стене картину – ту самую, с яблоками, и хозяйку кабинетика, которая, сдвинув очки на кончик носа, что-то сосредоточенно рассматривала в ноут-буке.

Увидев Прохора, она заулыбалась:

– Вот, думаю съездить на пару деньков в Грецию. Попробовать на вкус тамошнюю кухню. А то вдруг у нас не так? Вдруг приедут настоящие греки? Неудобно будет! Говорят, японцы были в обмороке от наших русских суши.

– Все у нас так, – сказал Прохор, садясь за стол напротив Мариванны.

Она будто почувствовала его настроение. Оторвалась от компьютера.

– Что-то случилось? С Ладой? – прижала пухлые руки к груди.

– Господи, при чем тут Лада? – оборвал женщину Тарасов. Слишком резко оборвал. И она еще больше перепугалась.

– Вы поссорились?

В комнату вошел официант с кофе для Тарасова, и Мариванна замолчала, продолжая прижимать руки к груди.

– Не собирался даже, – успокоил директора Прохор, дождавшись ухода официанта.

– Вы уж меня простите, Прохор Сергеевич! Ладушка мне как дочка. Волнуюсь я за нее. Переживает. Молчит, конечно, но я-то вижу, как переживает. Придет, сядет вот на этот са-

мый стул, где вы сидите, и переживает. А картина, говорит, ее успокаивает. Лечит. Вы заберите картину-то, Прохор Сергеевич. Отдайте ей. Пусть смотрит. Это же мы с ней хотели в Грецию съездить... Она знаете как хочет! Вам не скажет, конечно, никогда. Она сказала, что не хочет тревожить. Это, сказала, у Пушкина так. Вы меня извините, Прохор Сергеевич...

И тут, к ужасу, Прохора директорша захлюпала носом. Из обоих глаз ее выкатились две огромные капли и, вопреки закону тяготения, стремительно скатились на кончик носа, откуда сорвались и упали на лежащие на груди руки.

– Я, пожалуй, пойду, а вы кофе попейте, – Прохор пододвинул к Мариванне кофейную чашку. – Я не пил. Кстати, насчет картины... Можно я ее и правда заберу? Подарю Ладде. Можно?

– Конечно! – она замахала руками. – Берите обязательно. Кто тут на нее смотрит? Вот и Ладочка скоро не сможет...

– Почему не сможет? – оторопел Прохор.

– Так ребеночек же родится... Не до того ей будет. Девочка... Как хорошо... Девочки – это к радости. Хотя мальчики – тоже неплохо...

Не в силах больше слушать болтовню Мариванны, Прохор снял со стены картину и сбежал из директорского кабинета.

«Значит, девочка! – думал он, впившись руками в рулевое колесо. – Девочка! Радость... Ага...» Радостно ему совсем не было.

Забыв картину в машине, он поднялся на третий этаж. Лада была дома. Топили на совесть, и на ней был легкий халатик, абсолютно не скрывавший изрядно округлившийся живот.

– Прохор? – в ее голосе было столько радости, что ярость Тарасова куда-то улетучилась. – Так рано? Вот здорово! – И уже не так радостно: – Или ты сейчас уйдешь?

Он обнял ее, а потом испугался, что обнял слишком сильно и девочке в ее животе это может не понравиться. Теперь ему придется стараться понравиться ей.

– Нет, не уйду. Я сегодня буду с тобой. И завтра.

– Здорово! А я купила яблок. Хотела к твоему приезду сделать шарлотку, – она улыбнулась и виновато сморщила нос.

– Черт! Яблоки! Чуть не забыл! Подожди. Стой здесь! Только никуда не уходи. Прямо здесь!

Он слетел по лестнице, моля бога, чтобы за то время, пока он отсутствовал, никто не позарился на картину с яблоками. Зажав драгоценное полотно под мышкой, взлетел на свой этаж, секунду отдышался под дверью и, толкнув входную дверь, важно вошел.

Лада стояла там же, где он оставил ее пять минут назад, – верная и преданная, умная и красивая. Он вручил ей картину и сказал:

– Думаю, как порядочный человек, я должен на тебе жениться...

Она вдруг заплакала, замотала головой:

– Не должен, нет, ничего ты мне не должен!

Но Тарасов не слушал ее. Поднял на руки вместе с картиной.

– Извини, что не купил кольца. Завтра купим. По дороге в ЗАГС. На Ленина есть пара магазинов. А потом поедem в Грецию. Мне сказали, что ты очень хочешь там побывать.

– Завтра? – Губы ее кривились, дрожали, лицо было мокрым, глаза красными – она была очень красива.

– А почему бы и нет? Или ты хочешь шумную свадьбу? – он спросил и тут же подумал, что она наверняка хочет сшить себе платье. Белое, безумно элегантное. В духе английской королевы. И обязательно шляпку.

Но она снова замотала головой:

– Куда мне? – выразительно посмотрела на живот. – Не нужно свадьбу. Ничего не нужно. Мне достаточно тебя и... яблоч.

Он занес ее в спальню, аккуратно опустил на кровать.

– Ты куда? – спросила она, видя, что он уходит.

– За молотком. Яблоки же...

Тарасов вышел на балкон, где хранил набор инструментов, подаренный ему на новоселье кем-то из сотрудников «Железобетона». Холодный воздух немного привел его в чувство. Что же это такое? Он, Прохор Тарасов, только что сделал предложение девушке, на которой абсолютно не соби-рался жениться. Да, она замечательная подруга, помощница,

соратница. Кафе, ресторан – это ее идея, ее заслуга. Но жена? Брак? Да, ему хорошо с ней. Да, она окрыляет его, рядом с ней он чувствует себя более сильным и значительным, чем, например, сегодня в кабинете у Крылова. От воспоминаний о недавнем разговоре Прохора вдруг охватила такая злость, что он не сдержался и саданул со всей силы по стене кулаком. Костяшки ожгло резкой болью, и эта физическая боль заслонила боль душевную. Тарасов вспомнил, зачем пришел на балкон, достал ящик с инструментами, вытащил молоток и уставился на маслянисто-черный боек. Ерунда какая-то. Для того чтобы повесить картину, мало одного молотка. Нужен хотя бы гвоздь. Гвозди в тарасовском хозяйстве не водились.

Он вернулся в спальню, встретился взглядом с Ладой, по-прежнему лежавшей на кровати, и понял – она не верит. Не верит всему, что он наговорил, и все. «Я сделаю все, чтобы ты мне поверила!» – мысленно пообещал Тарасов девушке. Поставил картину на пол, лег на кровать рядом с Ладой и крепко сжал ее пальцы.

– Все будет хорошо, – пообещал он. Непонятно кому пообещал – то ли Ладе, то ли самому себе, то ли яблокам на картине.

Дальше все шло по намеченному Тарасовым плану. На следующий день они расписались, а через неделю – раньше не получилось, так как у Лады не было загранпаспорта, уехали в Грецию.

Глава 3

– Женился? Ты с ума сошел! – с такими словами вошла в кабинет Прохора мать в первый же его рабочий день после возвращения из Греции.

– Почему? – хмыкнул он. – Лада замечательная девушка и обязательно тебе понравится.

– Господи, Прохор! Как можно быть таким безответственным? Мне сказали, что она простая студентка... Работает в нашем кафе...

– Да, простая! Нет, не работает. Она помогла мне создать все то, что вы с Крыловым называете общепитом. Практически бесплатно.

– И давно ты ее знаешь?

– Достаточно.

– Кто ее родители?

– Мама, я женился не на родителях, а на своей жене. Мне нет никакого дела до ее семейного древа.

– Зато, уверена, ей до твоего – есть! Не понимаю, что общего может быть у тебя с девицей из ресторана?

– Что общего? Ну, например, общий ребенок. Девочка.

– Ребенок? – мать вдруг резко побледнела и схватилась за сумку. – Твой ребенок?

– Ну да, мой ребенок. Почему тебя это вдруг так удивляет, мама? Я уже большой мальчик.

– Ты уверен, что это твой ребенок? – Мать зачем-то вытащила из сумки платок и яростно тискала его в руках.

Весь этот разговор начинал бесить Прохора. Мало того, что ему не дали купить дом под новый ресторан, теперь еще мать устраивает идиотский допрос. Тарасов всегда жалел мать, старался щадить ее чувства, но тут не сдержался.

– Мама, я знаю, что вы с Крыловым считаете меня недееспособным идиотом. Но я не хочу, чтобы мой – я подчеркиваю – мой ребенок, моя дочь выросла без отца. Я сам с десяти лет рос без родителей и знаю, что это такое. Поэтому...

– О чем ты? – перебила его мать. – Как это – без родителей? А мы с отцом не в счет?

– Конечно нет! – Прохор понимал, что нужно остановиться, что мать не заслужила этих обидных слов, но не мог. Его прямо-таки несло, словно закусившего удила коня. – Вы передали меня с рук на руки швейцарским учителям и на этом успокоились. Учись, сынок! Грызи гранит науки! Не сломай зубы!

– Ставишь нам с отцом в вину то, что ты свободно владеешь тремя языками и имеешь престижный диплом? Так тебя понимать?

– Зачем мне три языка? Я вроде не планировал работать переводчиком. Да и без диплома я бы вполне обошелся. Неужели если бы я, как все десятилетние пацаны, пинал во дворе мячик, а не забивал себе голову околлингвистической пургой, вы бы с Крыловым не взяли меня на работу?

Моя карьера заранее была известна. Так почему?

– Почему заранее? Ты забываешь, что, когда принималось решение о твоей учебе, отец был еще жив. И если бы он не умер, то сидел бы сейчас в этом самом кресле. И диплом тебе ох как пригодился бы. Я ведь знаю – вторые роли не для тебя. А любой рекрутер отдаст предпочтение кандидату с более престижным дипломом. Я права?

Отвечать Прохор не собирался, да мать и не ждала от него ответа. Немного помолчав, она продолжила:

– Эта твоя девушка, Лада. А вдруг у нее проблемы со здоровьем? Надо же было все узнать перед тем, как обзаводиться ребенком.

– Нет у нее проблем, – зло отозвался Тарасов.

– А у родителей?

– У нее отец бывший военный. Больного в армию не взяли бы.

– А мать? Кто ее мать?

– Не знаю и знать не хочу. В конце концов, мы столько денег вложили в медицинское оборудование, что наверняка вылечим любую болезнь. И вообще, давай решать проблемы по мере их возникновения. Заболеет – будем лечить, а пока говорить не о чем.

И ведь правду говорят – мысль материальна. Лада действительно заболела. Нет, не сразу после разговора с матерью. Сначала она родила дочку. Тарасова черт дернул присутствовать на родах. «Это первый и последний раз!» – по-

клялся он себе, с ужасом глядя на жуткий окровавленный комок в руках акушерки. Но когда этот комок, отмытый и завернутый в белоснежную пеленку, оказался в его руках, когда он увидел прилипшую ко лбу мокрую челку и огромные глазищи, Прохор почувствовал вселенскую нежность и всепоглощающую любовь к этому крошечному созданию. И этих нежности с любовью было столько много, что хватило бы еще на десяток младенцев с мокрыми челками.

Назвали девочку с подачи Крылова Марией. Вроде бы так звали мать Тарасова-старшего, давно отошедшую в мир иной. Прохор немного посопротивлялся – детей, по идее, нужно называть в честь живых. Но имя Маша почти сразу прижилось. Было оно каким-то мягким, добрым, давало множество вариантов для проявления отношения к маленькому человечку. Машуня, Маня, Машенька, Мария – это со сдвинутыми бровями. Можно еще Маняша и даже Медвежонок. Хотя медвежонком девочка не была. Тонкая, стройная, длинноногая – в мать. И такая же крылатая. Делая первые шаги, она так широко взмахивала ручками, пытаясь сохранить равновесие, словно распахивала невидимые крылья. Миг – и взлетит. В такие моменты Тарасову хотелось схватить ее, прижать к себе, защитить. Но он, как мог, сдерживал себя: не хотел мешать дочери познавать мир. А Маша не падала. Почти никогда.

Через месяц после родов Лада попала в больницу. Уставший доктор в издавшем виды белом халате сказал, что они

делают все возможное. На следующий день он сказал то же самое. И на следующий. После чего мать организовала перевозку Лады в свою клинику в Липовске. Здесь доктора были уже более конкретными – некроз печени, почечная недостаточность. Непонятные медицинские термины были не так страшны, как чувство обреченности, замеченное Тарасовым в глазах матери. Оно было мимолетным. Секунда – и мать снова надела на лицо непроницаемую маску спокойной уверенности. Но Прохор не мог избавиться от мысли, что Лада может уйти и он бессилен что-либо предпринять. Он простил матери сумасшедшие деньги, вложенные в оборудование клиники, готов был отдать оставшиеся, лишь бы Лада осталась с ним.

И она осталась. Шли дни. Сильный, молодой организм медленно, но верно восстанавливался. Спустя четыре месяца Лада вернулась домой. Вернее, сначала это была тень, отдаленно напоминающая его жену. Она даже малютку Марию не могла поднять на руки. Ребенок целиком находился на попечении няни. Часто заезжала мать Тарасова. Ему казалось, что она чувствует за собой какую-то вину и всячески пытается эту вину загладить. Наверное, корит себя за то, что поначалу была холодна с невесткой. А может, считает, что это ее слова стали причиной болезни Лады. Она даже предлагала Ладе с девочкой перебраться в ее дом в Липовске. Ближе к клинике, да и кухарка, которую мать называла не иначе как кормилицей, большой спец по диетическим блюдам,

так необходимым выздоравливающему организму. Но Тарасов материнским словам не внял, причем из чисто эгоистических соображений – уж слишком много матери в последнее время появилось в его жизни. Он отвык от этого и впускать в свою жизнь эту слишком сильную и властную женщину не собирался.

– Понадобятся врачи – привезу, а еду на всех будет готовить нянька, я договорился, – решил он.

С нянькой он договорился позже. И она, конечно же, готовила. А заодно кормила, поила, одевала и выгуливала двоих подопечных – мать и дочь. Лада приходила в себя, Маша росла умным, не по годам смелым ребенком. Когда ей исполнилось пять, Тарасов сменил няньку. Новая в совершенстве владела английским, обучала кроху Марию азам компьютерных знаний. Все бы хорошо, но она была полна скрытой сексуальностью, заметной одному лишь Тарасову. Отвечать на ее двусмысленные призывы он не собирался и, промучившись год, собрался уже было избавиться под благовидным предлогом, как вдруг она сама заявила об уходе и предложила замену – тридцатилетнюю женщину монашеского облика и с монашеским же (так казалось Тарасову) именем Неонила. Была она родом из небольшого села под Андреевском. Какое-то время учительствовала в местной школе, где, за недостатком персонала, вела практически все предметы. Поэтому о подготовке Машуни к школе можно было не переживать. Кроме того, Неонила довольно сносно

но готовила, умела водить машину. Одним словом, не няня, а клад. Правда, Тарасов сначала хотел отказать Неониле, но та откуда-то была знакома с его первой школьной учительницей, чья рекомендация и сыграла решающую роль.

Но в какой-то момент Тарасов решил, что дочке не хватает светского лоска. По его запросу одна из лучших в городе фирм рекрутинга нашла ВИП-воспитательницу, бывшую балерину. Выйдя на пенсию, она помогала детям из семей с достатком обрести царскую осанку и манеры. Многочисленные рекомендательные письма подтверждали ее несомненный успех на этой ниве. Все было бы хорошо, но блистательная Ольга Эдуардовна с первой минуты объявила Неониле войну. Причем обычно скромная и молчаливая Неонила уходить от столкновения не стала, выбрав политику открытой конфронтации. Тарасов понимал – стоит Неониле сделать хотя бы полшага назад, и Ольга успокоится, но Неонила отступать не собиралась. Поручив Ладе поговорить с няней и в крайнем случае пригрозить ей увольнением, Тарасов отбыл в офис.

Каково же было его удивление, когда, вернувшись с обеда, он застал в приемной Неонилу. Увидев его, женщина встрепнулась, начала что-то говорить. Пришлось пригласить ее в кабинет – не обсуждать же при секретарше семейные проблемы.

– Вы не можете меня уволить, – с порога заявила Неонила, и на ее щеках вспыхнули два багровых пятна.

Несмотря на все свое уважение к Неониле, сносить подобные эскапады он не собирался.

– Назовите хотя бы одну причину, – сказал он, нахмурившись и откинувшись на спинку кресла, – по которой я не могу этого сделать.

Она смешалась, а потом, словно нырнула в ледяную воду, выпалила:

– Маша – моя дочь.

Пару минут Тарасов не мог выговорить ни слова, лишь смотрел на бывшую няню и моргал. Неонила полезла в сумку, вытащила какие-то бумажки, тыкала пальцем в написанное, что-то говорила, говорила, говорила... Из потока слов Тарасов понял только, что она по каким-то сугубо личным соображениям была вынуждена отказаться от ребенка. Думала, что, как только позволят обстоятельства, сможет забрать девочку.

– Послушайте, – наконец вымолвил Тарасов, – это, конечно, чушь собачья, я могу десяток подобных бумажек вам показать. Я понимаю ваши проблемы, но не собираюсь делать их проблемами своей семьи.

– Что? – повторила нянька, вытаращив глаза, и Тарасов впервые заметил, что глаза у няньки зеленые. Как у Лады. Как у Маши. И волосы русые, с рыжиной. Ему вдруг стало не по себе.

Подобно древним народам, в представлении которых Земля держится на трех китах, которые плавают в безбреж-

ном всемирном океане, мир Тарасова зиждился на трех ногах – жене, дочери и бизнесе. Причем бизнес был ногой слабой, скорее костылем. Нет, даже не костылем, а тростью, призванной больше подчеркнуть имидж владельца. Потеря Лады или Маши автоматически делала его беспомощным инвалидом. А инвалидность в планы Тарасова не входила.

– С этой минуты вы у нас не работаете. Если вы попытаетесь хоть как-то навредить Маше...

– Вы не поняли! У меня в мыслях не было ничего подобного.

– Я все прекрасно понял. Сколько?

Она поджала губы и, кажется, собралась заплакать.

– Сколько? Сколько нужно заплатить, чтобы вы исчезли из нашей жизни раз и навсегда? – прогремел Тарасов.

– Мне ничего не нужно. Только не увольняйте меня, пожалуйста. Я не собираюсь забирать ее из вашей семьи. Просто хочу быть рядом...

Глава 4

В соседней комнате что-то грохнуло, и снова воцарилась мертвая тишина. Прохор внезапно осознал, что уже довольно продолжительное время сверлит взглядом картину в офисе «Кайроса», а Тим Молчанов и его стервозного вида директорша выжидающе сверлят взглядами его самого. Ему не хотелось говорить при ней. Он уже вообще жалел, что пришел сюда. Одно дело – Тимур. Их знакомству почти столько же лет, сколько существует ресторанный тарасовский бизнес. Он их и свел, вернее – те самые умопомрачительные штрудели, которые, как оказалось, пекла мать Молчанова. Пекла не для заработка, для собственного удовольствия, крохотными партиями. Даже взвинтив цену до абсурда, напирая на эксклюзивность продукта, большой прибыли не получишь. Тарасов попытался уговорить талантливую кулинарку поставить производство на поток, но получил отпор от ее сына. Так они и познакомились. Рафинированно-вежливый, бесконечно компетентный, Молчанов полностью оправдывал свою фамилию. Тарасов был на сто процентов уверен в том, что тайны, доверенные Тимуру, не станут достоянием гласности ни при каком раскладе.

Однако сегодня к Тимуру прилагалась команда. И Прохор никак не мог решиться перенести автоматом доверие с одного человека на группу лиц.

Тимур, словно почувствовав его смятение, побарабанил пальцами по столу и спросил:

– Ты проверил?

Вроде всего два слова, но интонация какая-то особая. Доверительная, что ли.

И Прохор решился.

– Разумеется. Заказал экспертизу ДНК сразу в трех лабораториях.

– И? – спросила Кристина и нарвалась на предупреждающий взгляд Молчанова – не спеши, мол.

– Сначала срочную. Потом повторил. Обычную. Мало ли – вдруг в спешке напутали.

– Бывает, – согласился Тимур.

– Все точно. Ни я, ни Лада родителями Маши не являемся.

– Но как же? – не сдержалась Кристина. – Перепутали в роддоме?

– Вы, наверное, слишком много телешоу смотрите, – зло бросил Тарасов. – Наша дочь появилась на свет в клинике «Радость». Слышали о такой?

Кристина неопределенно пожала плечами. В силу определенных обстоятельств в роддомах – ни в государственных, ни в частных – она пока не нуждалась, а забивать голову лишней информацией не хотела. Но Тарасов понял ее жест как одобрение.

– Я сам присутствовал при родах. Ребенок практически

постоянно находился при матери. Я, понятное дело, мотался по делам, но Лада... Машка все время была с ней.

– А что говорит ваша жена? – спросила Кристина.

– В смысле? – Тарасов недоуменно уставился на нее.

– В смысле, как могло получиться, что ребенок... – договорить не получилось.

– Вы считаете, что я должен был сказать жене: знаешь, Лада, Маша – не наш ребенок. Так? Вывалить на нее все это? Да? – голос Тарасова переполняла ярость.

– Ну, положим, не вывалить, а аккуратно поинтересоваться... – Кристина видела, что Тимур делает знаки бровями, очевидно, пытаясь остановить ее, но продолжала гнуть свою линию. – Может быть, она в курсе? Может быть, она сможет объяснить, как такое случилось.

– Послушайте, – Тарасов говорил медленно, словно пытался втолковать неразумному дитяти прописные истины, – я хочу сначала узнать все сам. В курсе – хорошо. А если нет? Я по себе знаю, как это страшно – узнать, что твоя дочь вовсе не твой ребенок. Это может сломать ее. Убить. Нет. Вот будет у меня вся информация – где моя дочь, как получилось, что я столько лет растил чужого ребенка, – вот тогда я смогу с ней поговорить. Вы даже не представляете, каково это – не знать, где находится твой ребенок! Может быть, сейчас, в эту самую минуту, кто-то издевается над ней...

– У меня только два вопроса, – вступил в разговор Тимур. – Ты уверен, что твоя жена действительно родила ре-

бенка?

– Разумеется, я же сказал, что сам присутствовал при родах. Все видел от начала до конца. В обморок не падал.

– Хорошо. И второй вопрос. Предположим, мы находим твою настоящую дочь. Она живет в другой семье, счастлива, любима. Твои действия? И как ты поступишь с Машей?

– Я привык решать вопросы по мере их назревания. Считаю, что обсуждать линию моего дальнейшего поведения, по меньшей степени, преждевременно. Все будет зависеть от обстоятельств.

– Прохор, не уходи от ответа! – Тимур сложил ладони домиком. – Я задал прямой вопрос. Ты боишься огорчить свою жену...

– Не просто огорчить! Я боюсь разбить ей сердце!

– Хорошо, пусть так. Но не получится ли так, что, найдя девочку, мы разобьем сердце и ей, и ее приемным родителям? И опять же Маша? Что будет с ней?

– Маша при любом раскладе останется с нами.

– А мать? Неонила?

– Ее больше нет.

Кристина почувствовала, как по коже побежали мурашки. У Тимура глаза расширились.

– Что? – переспросил он и приподнялся в кресле, опершись ладонями на стол и сделавшись похожим на вопросительный знак.

– Да нет, все с ней в порядке! Я не так выразился. Дал

ей денег и отправил подальше. Она тетка вполне адекватная. Ну не повезет же она Машку в свой Тучекукуевск! И по поводу первой части вопроса... Скажем так. Я тоже человек адекватный. Если моя настоящая дочь счастлива, я лезть в чужую семью не буду.

– Точно?

– Железобетонно.

– Хорошо, – Тимур одобрительно кивнул. – Нам все равно нужно будет поговорить с твоей женой. Да не мотай головой! Все будет предельно деликатно. Ты няньку взял новую?

– Пока нет.

– Ну и отлично. Значит, на роль делательницы уроков возьмешь нашего человека. – Тимур перехватил скептический взгляд, брошенный Тарасовым на Кристину, и поспешил успокоить клиента, – есть у нас профессиональный педагог. Заодно выяснит кое-какие моменты.

– Хорошо. Вот телефон моей жены, – Прохор достал из кармана визитку, написал на ней номер и протянул Тимуру (с Кристиной он по-прежнему предпочитал не контактировать), – пусть позвонит. Я предупрежу.

– А к тебе подойдет наш человек. Договорились? Подготовь, пожалуйста, что у тебя есть по Неониле. Надеюсь, у тебя есть ее адрес, телефон, фото, – сказал Тимур.

– Телефон есть, только он отключен. Адрес? Не нужен был мне ее адрес, она же у нас жила. И фото... Зачем, спрашивается, мне фото няньки дочери? Хотя в офисе есть ксе-

рокопия ее паспорта... Сейчас позвоню, чтобы кинули мне на почту, и сразу вам перешлю.

Выбрав нужный номер, он приложил трубку к уху, какое-то время молча слушал, мрачняя с каждым словом невидимого собеседника.

– Что за черт! – наконец сказал Тарасов. – Они же должны были не раньше конца недели появиться! Куда подевалась пресловутая немецкая пунктуальность! А куда охрана смотрит? Если не могут справиться с этим клоуном, пусть вызывают полицию! – Послушал еще немного, потом сказал: – Пусть ждут. Дай им чаю, кофе, сама знаешь, чего еще. И да, срочно скинь мне все, что у нас есть по Фроловой. Неониле Фроловой. Как это, кто такая? В кадрах спроси. И срочно. Нет, сначала Фролова, потом кофе с чаем и полиция. Давай, я жду!

Тарасов недовольно сунул телефон в карман пиджака и пояснил:

– Немцы приехали, поставщики. Нужно срочно бежать. А под офисом придурок один местный устроил пикет. Позорище! Документы Неонилы я сейчас перекину, – он кивнул Тимуру, – а человек ваш завтра пусть подходит. Прямо с самого утра, хорошо? Или лучше, чтобы наверняка, где-то в районе часа. В обед. Можно будет спокойно поговорить на нейтральной территории. Что с оплатой?

Тимур назвал сумму.

– Хорошо, присылай счет, я сегодня же оплачу. Найдете

мою дочь – получите столько же.

* * *

– И кто же у нас будет учить уроки с двенадцатилетней девочкой? – поинтересовалась Кристина, когда Тимур, выходявший проводить клиента, вернулся в переговорную.

– Этим займется Ася, – сказал он.

– Ася? Не уверена, что она согласится...

– Зато я уверен, что ты сможешь ее уговорить.

– Я?

– Я позвоню Ивану, а ты займись Асей. Думаю, у тебя найдутся аргументы, которые убедят ее присоединиться к нашему расследованию. Часа хватит? Приглашай ее к двенадцати. Нужно решить, что и как мы будем делать.

В то, что Ася согласится участвовать в расследовании, Кристине верилось с трудом – уж слишком свежи были воспоминания о слезах, перемежавших Асин рассказ о поисках хозяина собаки⁴.

---

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

Глава 5

Решив, что для начала неплохо бы встретиться где-нибудь за пределами офиса, Кристина набрала номер подружки. Быстрая на подъем Ася пообещала в течение часа прибыть в кафе, находящееся неподалеку от «Кайроса». Кристина воспользовалась запасом времени, чтобы придумать несколько безотказных аргументов, но стоило ей посмотреть на подружку, как все заготовки мигом забылись. Потому что Ася была грустной и задумчивой. Если откровенно, то грусть и задумчивость были постоянными спутниками меланхоличной Аси. Но были они легкими и мимолетными, словно тень от июльских облаков. Подул ветерок – и снова сияет солнце. Но сейчас скорбные складки на переносице вызывали в памяти осеннее небо. К тому же Ася сменила прическу – французская коса, заплетенная с макушки и заканчивающаяся на шее бубликом, делала ее старше, серьезнее и подчеркивала несчастное выражение бледного, без грамма косметики, лица. К груди Ася прижимала крошечную замшевую сумочку. Рыжая с черными заклепками, она походила на маленькую собачку. Кристине невольно вспомнился оставленный в офисе портфель. Никогда в жизни она не купила бы себе такую непрактичную вещь. Ну что в ней может поместиться – телефон, немного косметики и денег? А все остальные, необходимые для жизни вещи – бумаги, ежедневник, ноут-

бук – куда прикажете засунуть? «Хотя, может быть, это признаки профессиональной деформации», – подумала Кристина и, подвигая подруге меню, спросила:

– Что-то случилось?

– Ничего.

Ася покачала головой и, не заглянув в меню, заказала кофе. Сама Кристина, решив совместить встречу с ранним обедом, еще до прихода Аси заказала «Цезарь» с курицей и теперь чувствовала себя неловко. Ну как можно наслаждаться едой, когда напротив тебя сидит такое средоточие грусти?

– Так что случилось? – повторила Кристина, машинально подцепив вилкой загорелый сухарик.

– Вот! Посмотри, – Ася порылась в сумочке и выложила на стол конверт.

– Что это? – отправив сухарь в рот, Кристина заглянула в конверт.

– Билет на концерт. В Альберт-Холл. Представляешь? Роберт прислал. Помнишь его?

Роберта Кристина не помнила, да и не могла помнить. В то время, когда он появился в жизни Аси, они с Тимуром путешествовали по Австралии. А по возвращении застали печальную Асю и задумчивого Рыбака.

– И что написал?

– Ничего, только прислал билет.

– Ну прямо совсем по-английски, – Кристина гипнотизировала половинку помидорчика-черри, не решаясь съесть

его из солидарности к грусти подруги.

– По-английски – это уходить, не прощаясь, – менторским тоном произнесла Ася, и Кристина, мигом отбросив стеснение, проглотила облюбованный помидор.

– Надо было мне тоже заказать салат, – встрепенулась Ася, – выглядит очень аппетитно. – И она зачерпнула кофейной ложечкой немного Кристининого «Цезаря».

– Ешь, мне не хочется, – Кристина придвинула к ней тарелку, и Ася, забыв на время о своих печалях, принялась за еду.

– Ну прислал билет, и что? – спросила Кристина.

– Как что? – переспросила Ася, не переставая жевать, из-за чего Кристина слышала что-то вроде «А...о?». И потом, дожевав, сокрушенно повторила: – Как что? Мне безумно хочется поехать!

– Из-за скрипача? – уточнила Кристина.

– Да при чем тут он? Это же Лондон! – Ася закатила глаза. – Лондон! Альберт-Холл! Самый престижный концертный зал в мире!

– И? – Кристина глотнула кофе из Асиной чашки.

– И у меня нет ни денег, ни достойного платья.

– Платья, – передразнила подругу Кристина. – Я, когда в последний раз была в Большом, видела женщину в мятой оранжевой футболке и с поясной сумкой на животе. Не похоже, чтобы она чувствовала себя не в своей тарелке.

– Ты не понимаешь... – Ася разделалась с салатом и при-

двинула к себе чашку кофе, присвоенную было Кристиной.

– Не понимаю, – согласилась Кристина. – Никогда не замечала за тобой любви к классической музыке и вечерним нарядам. Хоть убей, но я не поверю, что дело не в скрипаче. И, кстати, я знаю, как тебе решить финансовые проблемы!

Ася, подносявшая в этот момент чашку с кофе к губам, вздрогнула, черные брызги полетели в разные стороны.

– Как? Только не говори, что ты дашь. Или, еще хуже – Тимур, – произнесла она, вытирая салфеткой свитер.

– Тимур! – подтвердила Кристина. – Но не просто даст. Ты их зарабатываешь!

И она поделилась с подругой историей Тарасова.

– В роддоме перепутали? – ахнула Ася.

– Ты слишком много смотришь телешоу, – вспомнила тарасовскую реплику Кристина, но прозвучало это не так обидно, как из тарасовских уст.

А Ася уже нахмурилась, вспоминая свой небольшой опыт детективной деятельности.

– Ну... Я не смогу. Ты же знаешь...

– Я знаю, что ты хочешь в Альберт-Холл. И еще уверена, что ты не осталась равнодушной к этой истории. Ты с ног сбилась в поисках хозяина собаки, а тут – ребенок! Я ведь тебя знаю! Давай соглашайся! Через двадцать минут совещание. Я обещала тебя привести. Или, может, еще кофе заказать? Салата? Чего-нибудь сладкого?

Вопрос повис в воздухе, а затем Ася, проигнорировав

предложения, совершенно непоследовательно спросила:

– А он будет?

– Кто? Где? – не поняла Кристина. Через мгновение до нее дошло, о ком спрашивает Ася, и она утвердительно кивнула – будет.

Глава 6

Тимур с Рыбаком уже ждали их, разместившись по бокам Кристининого стола. Между ними стоял еще один стул – для Аси. Кристина поняла, что совещание решили проводить не в переговорной, и заняла свое рабочее место. Ася заботу не оценила, перетащила приготовленный для нее стул поближе к Федору, что-то сосредоточенно рассматривающему в своем мониторе. Отсюда Рыбак был не виден, но Ася периодически, будто невзначай, наклонялась и бросала краткие взгляды на бывшего приятеля.

Тимур вопросительно посмотрел на Кристину, мол, начинай, директор.

«Почему я?» – мысленно возмутилась Кристина, но маховик мысли уже начал раскручиваться.

– Перво-наперво хочу начать с кадрового вопроса, – сказала она, внимательно глядя на Рыбака. – Думаю, все согласны, что Ивана Станиславовича, единственного среди нас профи в детективной деятельности, необходимо назначить главным... – тут Кристина запнулась, подбирая должность для Рыбака, – директором по детективной работе. Со всеми вытекающими полномочиями. Вам слово, Иван Станиславович.

– Хорошо, – согласился Рыбак. – Дело, конечно, сложное, но кое-какие мысли у меня есть. Думаю, все-таки не сто-

ит сбрасывать со счетов обыкновенную халатность медицинского персонала. Пусть клиника, в которой рожала Тарасова, трижды золотая, но человеческий фактор никто не отменял. Предлагаю попытаться что-нибудь разузнать в «Радости». Это раз. – И Рыбак загнул большой палец. – Этим займется Кристина Сергеевна (тут он ухмыльнулся, зная, что Кристина не любит, когда ее называют по имени-отчеству) и Федор. Во-вторых, нужно аккуратно прозондировать жену Тарасова. Известно ли ей, что она воспитывает чужого ребенка и куда делась родная дочь? Это два. Этим, как я понимаю, займется Ася. – Он наклонился и вытянул шею, чтобы увидеть Асино лицо. Та вспыхнула и посильнее прижалась спиной к спинке кресла, пытаясь сделаться как можно незаметнее.

– Три, – продолжал тем временем Рыбак. – Если медики не виноваты и Тарасова ничего не знает, значит, ребенка подменили неизвестные злоумышленники. И тогда нужно искать, кому это было выгодно. Для чего это было сделано? Какие цели он преследовал? Тарасов – человек со средствами. Может быть, злоумышленник рассчитывает при помощи ребенка прибрать к рукам его деньги? Это, конечно, звучит несколько фантастично, но чем черт не шутит. Этой версией предлагаю заняться Тимуру и, опять же, Федору.

– А не слишком ли много на Федора? – подал голос Лебедев.

– Я думал, ты меня не слышишь! – усмехнулся Рыбак.

– Слышу, слышу, – потряс головой Лебедев. – И, кстати, думаю заодно. Вы, Иван Станиславович, хорошо говорите, вот только совсем не берете во внимание закон сохранения энергии.

– Это как? – удивился Рыбак.

– Вы что, Ломоносова не читали? «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте».

Последнюю фразу Лебедев прочитал с экрана своего монитора.

– И? – Рыбак ждал пояснений.

– Значит, если у Неонилы отнялся ребенок и присовокупился к Тарасову, значит, где-то к кому-то присовокупилась тарасовская дочка. Нужно только найти место этого совокупления – и задача решена.

Рыбак кивнул.

– Абсолютно согласен. Вопросом, так сказать, совокупления (тут Рыбак хмыкнул) я планирую заняться сам. То есть отыскать Неонилу, узнать, где обитала ее дочь сразу после рождения, и начать поиски оттуда. Кстати, я тоже рассчитываю на вашу помощь, уважаемый Федор.

– Пренепременно, – с излишней учтивостью поклонился Федор. – Обращайтесь.

Рыбак посмотрел на Асю, предлагая ей высказать свои

мысли.

– Я все-таки не могу себе представить, как можно не заметить подмены ребенка, – сказала она.

– А помните детский фильм, когда поменяли Ивана, рыбацкого сына, на Ивана-царевича? Мать не заметила! – сказал Федор. – Хотя нет, они же там его еще раз поменяли, и сумма не изменилась.

– Какая сумма? Это ты о чем? – Рыбака лебедевская болтовня уже начинала основательно раздражать.

– Да это так, к слову пришлось, извините, Иван Станиславович.

– А помните, – вдруг задумчиво произнесла Ася, – был еще мультфильм. Про пап-осьминогов. Они пришли в детский сад...

«Может, хватит про детский сад?» – чуть не сорвалось с языка у Ивана, но он боялся обидеть Асю, поэтому промолчал. Рыбак видел, как Ася старается избежать его взгляда. Да, конечно, он сглупил, приревновав ее к потерявшей хозяйина собаке. Если бы можно было вернуть все назад... Он бы любил пса-найденыша как родного сына. Рыбак не был противником братьев наших меньших, вовсе нет. Когда-то в детстве у него даже жил кот – черный полусибирик Бася. Подобранный котенком, он вскоре превратился в гладкого, упитанного, довольного жизнью увальня, серьезного и самостоятельного, не ведущегося на всякие женские уси-пуси. Образ жизни вел приходяще-уходящий. Мог на несколько дней

исчезнуть, а потом появиться как ни в чем не бывало, все такой же гладкий и упитанный. Через дорогу от дома Рыбака располагалась воинская часть – любимое место Басиных прогулок. «На службу пошел», – говорила мать, наблюдая с балкона за важно пересекающим проезжую часть Басей. Так он и ходил на службу, пока в один из дождливых осенних дней не попал под колеса. Водитель то ли не заметил кота, то ли из суеверия не захотел дать перебежать себе дорогу. Иван с матерью похоронили Басю за домом, под кустами жасмина. Земля после дождя была влажной и тяжелой, куст ронял крупные капли, словно плакал. Мать тоже плакала. «Больше никогда», – сказала она. «Больше никогда», – повторил Ваня. И слово сдержал.

Погрузившись в воспоминания о коте, Иван на несколько минут выпал из обсуждения вариантов развития событий, но беды в этом не видел. Эти воспоминания о мультфильмах – ловля рыбы в мутной воде. Конечно же, перво-наперво нужно отыскать Неонилу. Если повезет, от нее ниточка потянется к ребенку Тарасовых. Правда, он, Рыбак, – не из везучих. Хотя он же не один. С ним Тимур, Кристина, Федор. Ася, наконец... Тут Рыбак испытывающе посмотрел на Асю. Она опустила глаза. Нет, Ася не с ним.

Совещание закончилось. Тимур дал Асе визитку с телефоном Тарасовой. Иван слушал, как она договаривается о встрече. Если Ася, как Неонила, будет жить в тарасовской квартире, она не сможет приезжать в офис «Кайроса» каж-

дый день. Или сможет? Ему обязательно нужно было это выяснить. Не совсем понятно, зачем, но обязательно нужно.

– Тебя подвезти? – спросил он, услышав, что Ася пообещала приехать к трем часам.

– Нет, – она энергично затрясла головой.

«Ну и дура!» – захотелось ему сказать, но он сдержался, лишь неопределенно пожав плечами. Неловкую паузу прервал радостный голос Лебедева:

– Смотрите, Иван Станиславович, «Железобетон» прислал паспорт Неонилы!

– А ну-ка, – Иван вытащил из принтера листок с распечатанным письмом и всмотрелся в черный квадратик фотографии. – Да уж, снимочек, конечно, еще тот. Давай-ка, Федор, покопайся в компьютере, может, найдешь что-нибудь на гражданку Фролову Неонилу Сергеевну, родившуюся и проживающую, судя по регистрации, в Андреевске.

Краем глаза Рыбак заметил, как Ася с Тимуром вышли из офиса. Вероятно, Тимуру повезло больше, и Ася доверила ему доставку собственной персоны в дом Тарасовых. Ну и пусть! Он найдет тарасовскую дочь и тогда...

Что «тогда», Рыбак недодумал, мысль была безжалостно оборвана Федором.

– В первом приближении человека с такими координатами в Интернете нет. И это очень странно. Может, паспорт фальшивый?

– Она что – шпион, что ли? – Кристина подошла к столу

Федора и через его плечо заглянула в монитор. – Она всего лишь мать, отказавшаяся от своего ребенка, а потом пожалевшая об этом.

– Значит, так, – сказал Иван, складывая копию паспорта и пряча ее в карман. – Встреча с Тарасовым у меня завтра. Мотнусь-ка я в Андреевск. Может, что узнаю про эту Неонилу. А если повезет, и встречусь с ней. Хорошо, шеф?

– Шеф у нас ты, так что делай, что считаешь нужным, – ответила Кристина. – Деньги есть?

– До Андреевска хватит.

Иван вышел из офиса, машинально отметив отсутствие на стоянке молчановской «Тойоты». Значит, действительно, повез Асю к Тарасовым. Ну и ладно. Рыбак сел за руль своего «Форда».

– А мы поедem в Андреевск. И никто нам не нужен, – сказал он сам себе. Слова прозвучали уверенно, но в справедливость их он не верил.

Глава 7

Дом, где обитала семья Тарасовых, обыкновенная панельная двенадцатиэтажка, находился почти в самом центре, возле зеленого сквера. Стоило Асе нажать на кнопку, как домофон приветливо запищал. Ася толкнула дверь и оказалась в чистом и светлом подъезде. «Повезло соседям», – думала она, поднимаясь по лестнице. Подъезд ее дома не был таким благополучным.

В распахнутой двери квартиры на третьем этаже стояла симпатичная молодая женщина с рыжими волосами, стянутыми на затылке в пышный хвост.

– Здравствуйте! Вы Анастасия? – спросила она и, дождавшись Асиного кивка, протянула руку: – Лада.

Ася не ожидала, что все будет так просто. Жена «Железобетона» представлялась ей дамой высокомерной, заносчивой и капризной, с ярко накрашенными силиконовыми губами и силиконовым же бюстом. Реальная Лада разительно отличалась от своего мысленного портрета, и совесть, которую Ася попыталась спрятать как можно глубже, заво-зилась, пытается выбраться наружу. «И эту женщину я собираюсь обманывать, выведывая семейные тайны!» – думала Ася, проходя в большую прихожую.

– Маша! – позвала Лада, и в комнату впорхнула девочка-подросток. Она до такой степени была похожа на мать,

что Ася моментально засомневалась в правильности своей миссии. Если не брать во внимание очаровательную угловатость, присущую подростковому возрасту, худенькая, с пышным золотистым хвостом и яркими светло-зелеными глазами Маша казалась уменьшенной копией Лады. Асе захотелось тут же позвонить Кристине, чтобы обсудить свое открытие, но она не успела.

– Вы не голодны? – спросила Лада.

– Не очень, – покачала головой Ася.

– Просто мы с Машуней лепим вареники с вишней, нужно поскорее закончить, пока... – тут обе одинаково прыснули в прижатый к губам кулачок и обменялись заговорщицкими взглядами. Ася невольно обратила внимание на ногти матери и дочери – короткие, нежно розовые, абсолютно одинаковые.

– Вы хотите, чтобы я помогла? – уточнила Ася.

– Нет! – Лада энергично помотала головой, – вы могли бы чего-нибудь поесть, пока мы закончим. Я как-то не рассчитала время. Думала, успеем, а оказалось, что мы жуткие копуши.

– Копуши, – со смехом подтвердила Маша и, копируя мать, помотала головой с неменьшей энергией.

– Я вообще редко дома готовлю. Раньше этим занималась Неонила, у нее очень вкусные вареники получались. Шефу очень нравились. Шеф – это наш папа, Прохор Сергеевич. То есть Машунин папа, а мой муж. Вы извините, просто мы при-

выкли. — Тут она засмеялась, легко, с удовольствием. — А сейчас все больше заказываем в ресторане. Но там совсем не такие. Вот, решили попробовать. Машуня видела, как Неонила готовит, пытаемся восстановить процесс.

— Ага! — Маша улыбнулась. — Только у меня лучше есть получается.

Ася не была любительницей пельменей и вареников, больше они нравились Ивану, но безотказный рецепт их приготовления у нее имелся: пойти в соседний супермаркет и купить упаковку посимпатичнее. Понимала в душе, что симпатичнее — не значит лучше, но все-таки раз за разом ловилась на уловки маркетологов.

Повесив куртку на указанный Ладой крючок, Ася прошла вслед за хозяйками на кухню. Здесь все было как в кино — куча шкафов и шкафчиков цвета топленого молока, а в середине — большой стол, заставленный множеством различных приспособлений, из которых Асе были известны разве что только весы. Ну, может быть, еще открытый ноутбук и припорошенный мукой здоровенный калькулятор, хотя для Аси роль двух последних предметов в процессе приготовления вареников с вишнями скрывалась за густой пеленой таинственности.

Памятуя о том, что она находится в кухне человека, имеющего прямое отношение к общепиту, Ася тщательнейшим образом вымыла руки жидким мылом, вкусно пахнущим клубникой, и подошла к столу.

Вареники, ровные, окаймленные с одного края симпатичной косичкой, уже поджидали своего часа, на плите исходила паром кастрюля с водой, а две хозяйки – большая и маленькая, никак не могли разрешить спор, завязавшийся между ними еще до Асиного появления.

– Может, ну их? Неонила стопудово косточки выбрасывала, – заявила Маша, вытряхивая на тарелку вишневые косточки из полупрозрачного пластикового контейнера, вытащенного из одного из кухонных приборов.

Ася поняла, что это машинка для удаления косточек, и вспомнила маму, которая проводила аналогичную процедуру при помощи обыкновенной шпильки для волос.

– Выбросить всегда успеем, – возразила тем временем Лада. – Но мне кажется, горькие вишневые косточки могут стать определенной изюминкой, нашим секретным семейным ингредиентом.

– Ага, пятый ингредиент, – засмеялась Маша и пояснила, обернувшись к Асе: – Мама вынашивает идею создания линии национальной кухни. Кстати, вы, может быть, в курсе, куда добавлять расколотые вишневые косточки?

Ася, неожиданно вовлеченная в обсуждение неизвестного вопроса, с недоумением переводила взгляд с одной собеседницы на другую.

– Понимаете, – первой сжалилась над гостьей Маша, – мы нашли в Интернете старинный рецепт...

– Елены Молоховец, – пояснила Лада.

Ася понимающе кивнула. Не такой уж старинный, Елена Молоховец писала свои кулинарные книги в конце девятнадцатого века.

– Какой-то он недописанный, – продолжала Маша, – вот, смотрите.

Склонившись над ноутбуком, девочка прочитала:

– «Пять-шесть вишневых косточек крупно истолочь и вместе с остальными всыпать в эмалированную кастрюлечку, налить $\frac{3}{4}$ стакана воды, хорошенько прокипятить, процедить». И это все. Дальше – как лепить, варить. Есть еще: «Процеженным соком из вишен развести на тарелке оставшийся вишневый сок с сахаром, вскипятить, остудить. Когда вареники, опущенные в кипяток, всплывут наверх...» ну, дальше все понятно. А куда девать воду, в которой варились косточки, не написано. Просто тайна какая-то!

– Тайна, – согласилась Ася. – Можно я прочитаю?

Маша развернула ноутбук «лицом» к Асе.

– Толщина, там, где края слепляются, очень неприятно... – бормоча под нос, погрузилась в чтение Ася. – Поставить на солнце... хорошенько процедить... всплывут наверх... дуршлаговой ложкой... отдельно сахар, сваренный сироп... Да, действительно непонятно. Может, стоит обратиться к первоисточнику?

Две хозяйки – мать и дочь – уставились на нее с искренним удивлением.

– Это как? – спросила Маша.

– Очень просто. Думаю, в Толстовке можно найти книги Молоховец.

– В Толстовке? Кулинарную книгу Молоховец? – повторила Маша, а Лада тонко, одними губами, улыбнулась.

– Ну да, в библиотеке Толстого. И это не просто кулинарная книга. Когда-то, выражаясь современным языком, она была бестселлером.

Маша вежливо промолчала, но, судя по скептической улыбке, Асиным словам она абсолютно не поверила.

– Русский писатель Евгений Иванович Замятин, находясь в эмиграции во Франции, писал, что в Париже два наиболее ходовых автора – Елена Молоховец и Пушкин. Причем именно в таком порядке – на первом месте Молоховец, а на втором – Александр Сергеевич.

Теперь в глазах Маши сквозило искреннее восхищение. Лада же по-прежнему тонко улыбалась, и чувство неуверенности в успехе своего участия в расследовании охватило Асю с новой силой. Ну что может узнать она в этом доме? С какой такой радости Лада станет делиться с ней самым сокровенным?

– Вот и отлично, значит, вам с Машей задание – отыскать в библиотеке книгу Молоховец, а пока, – Лада одним махом отправила не востребованные косточки в мусорное ведро, – попробуем, что у нас получилось. Времени остается не так уж много.

Мать и дочь абсолютно одинаково подняли головы и по-

смотрели на настенные часы, затем Лада подняла крышку кастрюли и ловко забросила в нее несколько вареников. Маша поставила на стол три тарелки, положила рядом с ними столовые приборы. Все как положено: справа нож, слева вилка. Хотя Ася немного сомневалась, едят ли вареники с помощью ножа. Но озвучивать свои сомнения не стала, предпочла промолчать. Промолчала и когда Лада, в очередной раз взглянув на часы, выложила все вареники в ее тарелку. Тарелка была маленькой, вареники норовили разбежаться по столу, поэтому Ася сразу наколола один на вилку. Из прокола брызнул горячий сок.

– Сметана, пожалуйста. – В Машиных руках оказался небольшой фарфоровый кувшинчик, белый, с золотой каймой, весь в маленьких незабудках.

– Сахар. – На столе появилась такая же, в незабудках, сахарница.

Ася помотала головой и впилась зубами в вареник, чувствуя себя родственником гоголевского Пацюка, не нуждавшегося в столовых приборах. От нестерпимо горячего вишневого сока к глазам подступили слезы. Ася замерла, не зная, как поступить дальше. И в этот момент в прихожей прозвенел звонок. Лада с Машей переглянулись, и Маша понеслась открывать. Лада поспешила за ней. Воспользовавшись удобным случаем, Ася положила вилку с надкушенным вареником на тарелку. Но день сегодня был явно не ее – вилка соскочила с тарелки, вызвав извержение алого сока на блестя-

щую поверхность стола. Ася вскочила, высматривая глазами тряпку, и в этот момент услышала за спиной резкий голос:

– Здравствуйте!

Сказано это было таким тоном, что сомневаться не приходилось: ни о каком пожелании здоровья речь не идет. Скорее наоборот.

Обернувшись, Ася увидела очень высокую и очень худую женщину в белоснежном брючном костюме. Причем если худоба Лады вызывала некоторое сочувствие, то вид незнакомки заставил Асю внутренне содрогнуться. Наверное, именно так должна выглядеть Баба-яга – костяная нога. Длинная, костлявая. У нее даже лицо было длинным и костлявым, абсолютно лишенным миловидности. Из-за стянутых в пучок гладко зачесанных волос голова казалась несомерно маленькой, а впалые щеки и острый нос вызывали ассоциации с хищной птицей типа орла или грифа. До визита в дом Тарасовых у Аси особых претензий к собственной фигуре не было, но сейчас она чувствовала себя просто жирт-рестом каким-то. Пообещав себе прекратить есть после шести, а еще лучше – вообще прекратить есть, Ася попыталась изобразить что-то типа улыбки и произнесла непослушными губами:

– Здравствуйте!

Женщина удовлетворенно кивнула и, обернувшись к Лад-де, остановившейся в дверях и молча наблюдавшей за происходящим, поинтересовалась:

– Как я понимаю, это новая учительница?

– Да, познакомьтесь, пожалуйста, – Лада шагнула вперед, – Анастасия – Ольга Эдуардовна. Ольга Эдуардовна – Анастасия.

– Очень приятно, – выдавила из себя Ася.

– Приятного мало, – возразила Ольга Эдуардовна, глядя на Ладу, и, обернувшись к Асе, кивнула – резко, словно клюнула бедолагу-учительницу в темечко. – Чему вы, милочка, можете научить? Есть углеводы в послеобеденное время?

Асе захотелось тоже клюнуть собеседницу, сказать что-нибудь такое же колкое, но, как назло, ничего не шло в голову. На помощь пришла Лада:

– Мы прорабатываем технологию нового блюда, и Анастасия любезно согласилась его продегустировать.

Баба-яга кивнула и многозначительно вымолвила:

– Ну-ну.

«Конечно, только на роль дегустатора-смертника эта жирная курица и годится», – перевела Ася это «ну-ну».

– С вашего разрешения, мы с Анастасией вас оставим, – сказала Лада и, взяв Асю за руку, потащила за собой.

– Вы уж извините меня за эти вареники, – сказала Лада, когда они, миновав длинный коридор, оказались в светлой гостиной с большими мягкими диванами цвета кофе с молоком. – Готовлю я не очень и никак не могу рассчитать время. Думали, все успеем до прихода Ольги Эдуардовны, а получилось... – тут она на мгновение замолчала, потом тряхнула

головой и закончила: – Получилось, как получилось.

В этой маленькой заминке Ася уловила некоторую неловкость хозяйки, а в последних словах – нотки искреннего сочувствия. «Можно попробовать вызвать хозяйку на откровенность», – шепнула Асина интуиция, и Ася «попробовала».

– А почему ушла ваша предыдущая учительница? – спросила она, заинтересованно разглядывая рисунок на обоях.

– Если честно, не знаю, – ответила Лада после небольшой заминки. – Неонила была замечательной женщиной. Мне казалось, что когда-нибудь она будет воспитывать Машиных детей. Они отлично ладили. Неонила прекрасно готовила, не чета мне, водила машину, взяла на себя все вопросы со стиркой, глажкой, уборкой, мелкими ремонтами. Сейчас вместо Неонилы пришлось нанять уборщицу и водителя.

«И еще тебя», – мысленно добавила Ася.

– Кстати, вы принесли документы?

– Документы? Какие документы? – Ася лихорадочно стала вспоминать, где оставила свою сумочку, в которой, впрочем, кроме конверта с лондонским билетом и кошелька, ничего не было. Одно из двух – либо сумка висит в прихожей под курткой, либо осталась на кухне. Но туда Ася не пошла бы даже под дулом пистолета. Хотя нет, под дулом, наверное, все-таки пошла бы. Или не пошла? И какие документы? Рекомендательные письма с прошлого места работы? И где прикажете их взять?

– Да, паспорт, книжку трудовую, полис... Все, что положено, – пояснила Лада. – Прохор любит, чтобы все было по закону. И еще банковские реквизиты. Зарплату будете получать на счет в банке. Как вам удобнее: два раза в месяц или четыре?

– Подождите, пожалуйста. На счет? Да, конечно, у меня счет есть... Карточка... – Ася разнервничалась. Ей ужасно хотелось понравиться этой худенькой женщине, но чем больше она старалась, тем глупее казалась даже самой себе, а что уж говорить о Ладе. Наверное, смеется в душе, считая Асю недалекой провинциалкой, пристроенной добреньким дядей на непыльную работу. Какая-то мысль вдруг промелькнула на задворках Асиного сознания. Нужно что-то спросить. Вот только что? Карточка... Вопрос сформировался сам собой. – А Неонила тоже получала деньги на карточку?

– Конечно. Прохор учился в Лондоне, там у них несколько иное отношение к кэшу. К наличным.

«Итак, Неонила получала деньги на карточку. Что нам это дает? Мне – ничего, но, может быть, что-то даст Ване или Кристине», – подумала Ася и сделала первую мысленную отметку в своем внутреннем блокноте.

– Вы где планируете жить? – прервала ход Асиных мыслей Лада.

– В каком смысле? – встрепелась Ася.

Лада посмотрела на нее внимательно, потом пояснила:

– Неонила жила с нами, ее комната в вашем распоряже-

нии. Вы можете жить в своей квартире, но в будние дни должны приезжать к семи, кормить Машу завтраком – мы с Прохором уезжаем в полвосьмого, она в это время еще спит. К полдевятому вы отвозите ее в школу. Затем забираете после занятий. Где-нибудь гуляете – это целиком на ваше усмотрение. Потом обед. Обед, кстати, можно совместить с прогулкой. Только если захотите поесть в городе, обязательно посоветуйтесь со мной. Не хочется, чтобы моя дочь питалась в заведениях с не очень хорошей репутацией.

При этих словах Ася отчаянно замотала головой, и Лада пояснила:

– Я не имею в виду какие-то злачные места. Просто есть вполне пристойные заведения, которые не всегда придерживаются санитарных норм и правил или экономят на продуктах. Знают об этом единицы. В основном те, кто так или иначе связан с общепитом. Так что вы решили насчет проживания? Здесь или дома?

– Нет, мы дома. Так лучше, – внутренне содрогаясь от собственного косноязычия, промолвила Ася. И тут ей пришло в голову, что на самом деле этот вопрос нужно согласовать с Кристиной. А вдруг для дела нужно, чтобы она жила именно здесь? И потом, если сейчас отказаться, под каким предлогом она сможет попасть в комнату Неонилы, чтобы поискать там какие-нибудь забытые вещи, способные помочь «Кайросу» в расследовании?

Асины душевные метания не остались незамеченными

Ладой.

– Что-то не так? – спросила она. – У вас есть какие-то вопросы?

Тут Ася снова вспомнила про документы и рекомендательные письма.

– А у в-вас? – заикаясь от волнения, спросила она. – У в-вас нет ко мне вопросов? Вы же совсем меня не знаете, а предлагаете жить с вами под одной крышей.

– Мне достаточно того, что вас знает Прохор. Обычно он не ошибается в людях. И потом, меня вполне устроило то, что я увидела и услышала.

– Что именно?

– Пушкин и Молоховец. Думаю, общение с вами пойдет Маше на пользу. Давайте я покажу вам вашу комнату. Жить или не жить в ней – решите сами. Я не настаиваю, главное, чтобы вы не опаздывали утром. И да, если решите все-таки остаться, Андрей Петрович, наш водитель, сейчас ответит Машу и Ольгу Эдуардовну на выставку, а пока они будут там, вы сможете съездить домой за вещами.

От водителя Ася наотрез отказалась.

Они прошли в светлую комнату с большим окном, выходящим на балкон. Легкий тюль в цветочек, светлые обои с тисненым рисунком, кровать, покрытая шелковым покрывалом, повторяющим рисунок штор, но в более крупном варианте, – все было переполнено уютом и спокойным достоинством. Если бы Ася сама обставляла комнату, вряд ли ей уда-

лось это сделать лучше. И это обстоятельство почти примирило ее с необходимостью ночевать в чужом доме. «В конце концов, это ненадолго, — успокоила она себя. — Ваня с Кристиной быстро найдут тарасовскую дочку, у меня появятся деньги на поездку в Лондон...»

— Я приеду завтра к семи с вещами, — сказала она Ладе. — На выходные буду уезжать домой, а в понедельник утром возвращаться. Хорошо?

Лада кивнула:

— Да, вполне. Пойдемте, проводим Машу с Ольгой Эдуардовной, а потом я отвечу на ваши вопросы. Если, конечно, они у вас будут.

Вопросы были, но задавать их Ася не решилась. Поэтому она с облегчением попрощалась с Машей и Ольгой Эдуардовной, еще немного побеседовала с Ладой, а после, съев пару довольно-таки вкусных вареников, отказавшись от чая и прижав к груди обнаруженную в кухне сумочку, отправилась в «Кайрос» доложить о своих успехах. И хотя докладывать, собственно, было не о чем, она очень спешила. Может быть, потому, что низко опустившиеся тучи обещали разразиться нешуточным дождем, а может, потому, что рассчитывала застать в офисе «Кайроса» Рыбака.

Глава 8

Но Рыбака в «Кайросе» не было. В этот самый момент он уже въезжал в Андреевск.

Для того чтобы попасть на улицу Извозную, где, судя по паспорту, проживала гражданка Фролова Неонила Сергеевна, Рыбаку пришлось пересечь весь Андреевск с запада на восток. Ему уже приходилось бывать в этом старинном городе, ведущем свою историю с начала тринадцатого века. Преимущественно двух-трехэтажной застройки, он казался компактным и аккуратным. Но сейчас, следуя подсказкам навигатора в поисках нужной улицы, Иван понял, что в прошлый раз не увидел и десятой доли Андреевска. Из малоэтажного центра он въехал в спальный район с безликими высотками, затем оказался в пригородном коттеджном районе с разновеликими и разномастными коттеджами, облепленными башенками, балкончиками и разными прочими финтифлюшками. Строения эти, казалось, соревновались друг с другом в безвкусице. Подобные скопища домов, которые можно найти в каждом городе, старый приятель Рыбака, Сергей Новоселов, окрестил улицей Демьяна Бедного. Постепенно количество украшений уменьшалось, дома становились более обыденными и практичными. Метров через сто Иван свернул на дорогу, судя по всему, приходившуюся ровесницей города и которую с начала тринадцатого века ни-

кто не ремонтировал. Рыбак продвигался с осторожностью сапера, опасаясь оставить на раритетных выбоинах подвеску. На особо выдающихся ухабах «Форд» ворчливо постукивал крышкой багажника, напоминая, что он уже не в том возрасте, когда можно позволить себе подобные ралли по бездорожью.

Дом номер двадцать один был довольно симпатичным: белым, одноэтажным, с приветливо распахнутыми ставнями и блестящими в свете заходящего апрельского солнца окнами. Невысокий забор с приоткрытой калиткой позволял увидеть аккуратный дворик с несколькими еще по-зимнему голыми деревьями, детские качели и, судя по всему, гордость хозяйки – клумбу, сделанную из старой автомобильной крыши, в которой радовал глаз вечнозеленый куст, похоже лавр. Чувствовал себя лавр не очень хорошо – то ли приходил в себя после зимы, то ли красота его была принесена в жертву рачительности хозяйки, периодически щипавшей листья для приготовления еды. В любом случае ошетинившийся голыми ветками лавр вызывал сочувствие.

Толкнув калитку, Рыбак пересек двор, пару секунд постоял на крыльце, прислушиваясь к звукам за дверью, а потом коротко и решительно постучал. Ответом ему послужил drobный топот маленьких ног. Дверь распахнулась так энергично, что чуть не заехала Рыбаку по физиономии. На пороге стоял щекастый пацанчик лет семи в футболке с надписью: «Вот так выглядит идеальный мужчина».

– Привет! – поздоровался Рыбак. – Есть кто-нибудь из взрослых?

«Идеальный мужчина» едва успел открыть рот для ответа, как позади него раздался возмущенный женский голос:

– Я что, не говорила не открывать дверь кому попало?

Позади мальчика материализовалась миловидная женщина лет тридцати. Похоже, натуральная блондинка, хотя точно не определишь – волосы заколоты на макушке в небрежный пучок. Ярко-розовый халат с изображением кувыркающихся Эйфелевых башен и надписей «Paris» обтягивает тело, подобно гидрокостюму, абсолютно не оставляя простора для фантазий.

При виде Ивана женщина испуганно уставилась на него, резко побледнев, устало спросила:

– Пашка, что ли?

– Меня зовут Иван Станиславович. – Рыбак мимолетно засветил удостоверение и быстро спрятал его в карман. – А кто такой Пашка?

– Так муж, – кивнула женщина. – Что-то стряслось?

Иван как мог заверил хозяйку, что он вовсе не по поводу Пашки. Та облегченно выдохнула, лицо ее порозовело, приближаясь по цвету к халату. В глазах, обращенных на Рыбака, застыл молчаливый вопрос.

– Я разыскиваю Фролову Неонилу Сергеевну, – поспешил он внести ясность. – Она же здесь живет?

– Нет, – женщина покачала головой. – Здесь мы с Саш-

кой, – тут она кивнула на мальчика, – и Пашкой.

– То есть Неонилу Фролову вы не знаете? – уточнил Рыбак.

– Как же не знаю? Это же сестра моя старшая. Только здесь она не живет. Уже давно. Как школу окончила, так и ушла. Вещи собрала. Отец ее отвез ее в Богоявленский монастырь, и больше я ее не видела.

– Куда? – переспросил Иван, чувствуя, что разговор перешел в какие-то непонятные ему сферы.

– Так в монастырь же, в монастырь! Да вы проходите, – сказала женщина, – в дверях такие разговоры не разговариваются.

Он прошел в уютную комнату, похоже, хозяйкину гордость. На стенах – вышивки в позолоченных рамочках, на окнах – занавески с рюшечками.

Женщина усадила его за стол, не спросив, поставила большую кружку, сбегала на кухню, притащила коробку чайных пакетиков и пластиковый электрочайник «Ровента». Сбегала еще раз, и на столе появилась сахарница без крышки, но с чайной ложкой.

– Варенья? – спросила с непонятной Рыбаку надеждой. Но он решил беготню прекратить – предстоит еще как-то выбираться отсюда по убитой дороге, успеть бы до темноты.

История, которую поведала ему сестра Неонилы, назвавшаяся Майей, была странной, какой-то варварской, архаичной, уходившей корнями в те самые Средние века, откуда

появился Андреевск.

Жизнь кого-то из Фроловых-предков была короткой, но уж очень несправедливой. За это небеса разгневались на семейство, обрушив на его представителей тяжелые испытания. Младенцы умирали, не успев произнести слово, крепкие, здоровые мужчины заболели и становились беспомощными. Женщины не могли выйти замуж и так и отцветали, не дав потомства. Некогда большой и крепкий род вымирал. И тогда на семейном совете было решено: нужно отправить к Богу своего человека, чтобы он денно и нощно молил его о снисхождении к ни в чем не повинному роду. Помогло это или нет, но традиция прижилась. Старшая дочь в семье, достигнув совершеннолетия, уходила в монастырь. Неонила с детства знала о своем предназначении. Готовилась ли она к нему? Вряд ли. Конечно же, сестры Фроловы, Неонила и Майя, были крещены в церкви. Но службы не посещали, церковные традиции не соблюдали. Неонила, в противовес общительной Майе, росла девочкой замкнутой. Училась легко, на одни пятерки, хотя от нее этого никто не требовал. У Майи же пятерки были редкими гостями. В основном – крепкие тройки. Но благодаря молитвам сестры сейчас у Майи все хорошо. Семья, свой дом, сын. Был грех – после свадьбы пару раз ходила в церковь, молила Бога послать ей сына. Не дочь. Чтобы не отдавать в монастырь.

Пять лет тому назад отец умер. Майя часто вспоминала о сестре, а тут почувствовала прямо-таки острую необходи-

мость встретиться с ней. Мать о судьбе старшей дочери ничего не знала, только плакала в ответ на расспросы, и Майя сама отправилась в Богоявленский монастырь. Однако поездка оказалась напрасной. Настоятельница, женщина с мягким и светлым лицом, посоветовала не искать встречи с Неонилой. «Для человека, принявшего решение посвятить себя Богу, – сказала она, – встреча с родственниками или хотя бы известие от них – искушение. Порой даже мучительнейшее искушение. Хотите ли вы этого для своей сестры?» Майя не хотела. Она вернулась домой с тяжелым сердцем. Ощущение того, что сестра была принесена в жертву ее семейному благополучию, еще долго не оставляло женщину. А еще она решила, что детей у нее больше не будет. Вдруг родится девочка...

– Странный, конечно, обычай, – сказал Иван и хлебнул уже порядком остывшего чая. – Неужели вы во все это верите?

– Есть вещи, которые помогают независимо от того, верите вы в них или нет, – тихо, чуть слышно сказала Майя. И после небольшой паузы, совсем другим голосом, в котором звучал неприкрытый вызов, добавила: – Семейные ценности, например. Вы против семейных ценностей?

Рыбак, конечно же, не являлся противником семейных ценностей, но если они проявляются в таком виде... Может, иногда лучше быть Иваном, не помнящим родства? Или нет? И как жить, зная, что ради твоего здоровья кто-то отказал-

ся от себя? Причем не по доброй воле? Может, лучше заниматься спортом и пить какую-нибудь эхинацею?

– А может, вы борща хотите? У меня такой вкусный борщ! По бабушкиному рецепту!

В голосе Майи было столько мольбы, ей так хотелось, чтобы кто-то похвалил ее борщ, что Рыбак не смог отказаться. Да и любил он борщ, что ни говори. А против был только один аргумент, вернее два – стремительно надвигающиеся сумерки и плохая дорога.

Борщ действительно оказался бесподобным.

– Вот это я понимаю, семейные ценности, – сказал Рыбак, блаженно жмурясь от удовольствия.

– Спасибо, – сдавленно пробормотала Майя, – а то от моих похвалы не дожدهшься. Сашке больше картошка фри нравится. Знаю, что вредно. Даже варенье есть не хочет. И зачем варю каждый год? А Пашка привык уже... Не чувствует вкуса.

Рыбак не просто ел. Он одновременно пытался анализировать полученную информацию. Рассказ Майи не укладывался в объективно существующую реальность. Как может человек одновременно находиться в монастыре и, будучи матерью двенадцатилетней девочки, работать у нее же нянькой?

– Кстати, посмотрите, пожалуйста, – он вынул из кармана сложенную вчетверо ксерокопию Неонилиного паспорта, расправил ее на скатерти, разгладил ладонью. – Это ваша

сестра?

Майя всмотрелась в квадратик фотографии.

– Похоже. Я же ее уже почти пятнадцать лет не видела. Паспорт новый. Но она, когда на первый паспорт фотографировалась, тоже не очень была на себя похожа. Зачем, говорит, стараться хорошо выглядеть, все равно мне этот паспорт не пригодится.

Рыбак вдруг почувствовал, что Майя собирается заплакать.

– А у нее были какие-нибудь подруги? Может, она кому-нибудь писала? – спросил он, чтобы как-то отвлечь женщину от этого бесполезного занятия. Понимал, что подруги если и были, то за такое время успели все забыть.

– Подруги? – Майя нахмурила лоб. – Не очень я помню. Если кому и написала, то учительнице нашей, Анне Олеговне. Та ее очень любила. Даже приходила к отцу, просила за Неонилу. Ну, чтобы она осталась. Говорила, что у Неонилы способности, ну того... Есть...

Она все-таки заплакала. Иван с сожалением отложил ложку – борщ закончился, разговор зашел в тупик. Хотя, если попробовать поговорить с учительницей...

– А где она, Анна Олеговна?

– Да тут, на Отрадной живет. Хотите, я вас сведу? – Майя прямо как-то воспряла духом и даже плакать перестала.

– Не нужно, я сам, вы только направление покажите.

Накинув куртку, Майя проводила его за калитку, показала

направление, в котором проживала учительница Неонила.

Несмотря на оптимистичное название, улица Отрадная по качеству дорожного покрытия недалеко ушла от Извозной. Тот же медленный дрейф между ямами, разбросанными в непредсказуемом порядке. Благо до дома Анны Олеговны оказалось рукой подать. Через каких-то пять минут Рыбак уже нажимал на кнопку звонка.

– Иду, иду! – голос у Анны Олеговны оказался на удивление молодым. Да и сама она выглядела очень молодо. Не моложаво, а именно молодо. И хотя лицо покрывала густая сетка морщин, в глазах стоял истинный задор, какой не у всех молодых увидишь.

– Чем обязана? – спросила Анна Олеговна, пристально вглядываясь в лицо Ивана.

Обманывать учительницу, размахивая поддельным удостоверением, Иван не стал.

– Я частный детектив, разыскиваю вашу ученицу, – сказал он, поздоровавшись.

– Ученицу? – удивленно переспросила Анна Олеговна. – Какую же, позвольте спросить?

– Фролову Неонилу Сергеевну! – сказал Рыбак.

Учительница «лицо держала» отлично, даже бровью не повела, но Рыбак понял – она определенно знает о судьбе бывшей ученицы больше, чем родная сестра.

Но признаваться в этом знании Анна Олеговна не спешила.

– Даже не знаю, чем я могу вам помочь. Я давно ее не видела. Но девочка была замечательная. Там семья сложная. Отец пытался свои проблемы решить за дочкин счет...

– И успешно?

– Судя по тому, что до пятидесяти не дотянул, не очень...

Рыбаку хотелось напроситься в гости, попытаться разговаривать собеседницу, но она медлила. Был у Ивана один практически безотказный козырь – такие, с большим стажем учительницы, всегда хранят целый ворох фотографий своих учеников и при случае с удовольствием их демонстрируют, сопровождая пространным рассказом.

– Может, у вас остались какие-нибудь ее школьные фотографии? – спросил он и не ошибся.

Следующие полчаса он рассматривал многочисленные снимки, изредка прерывая монолог учительницы каким-нибудь вопросом. Не то чтобы для информации, а чтобы удостовериться, что он еще не заснул. Говорила учительница медленно, короткими фразами, с длинными паузами, словно взвешивая каждое слово на внутренних весах.

– А вот и Нилочка, – с фотографии хмуро улыбался долговязый подросток, ничего общего не имеющий с изображением в паспорте. – Ездил на математическую олимпиаду. Первое место заняла в районе. Да, у девочки могла бы быть совсем другая жизнь...

Разговор повис, словно линии электропередачи в безветренную погоду, чем Иван и воспользовался.

– Анна Олеговна, вы же знаете, что Неонила ушла из монастыря, – сказал он безапелляционным тоном.

Учительница пристально посмотрела на Рыбака, будто пытаясь определить по лицу степень его осведомленности. И потом слабо кивнула:

– Да. Знаю. Жаль, поздно узнала.

И тут снова начался монолог, но теперь он вплотную касался интересующей Рыбака темы.

Неониле повезло. Настоятельница монастыря (Анна Олеговна позабыла ее имя-отчество) прониклась сочувствием к послушнице, оказавшейся в стенах вверенной ей обители не по собственной воле. «В монастырь, – сказала она, – нужно приходить только при осознанной любви к Богу. У каждого человека в жизни должна быть какая-то цель. И пока ты этой цели не осознаешь, в монастыре тебе делать нечего». Неонила осталась на какое-то время при монастыре трудницей, потом поступила в педагогический институт. В институте, как водится, встретила первую любовь. Девчонки-то, ее сверстницы, уже поднаторели в любви этой, а она – неопытная. Сразу ребенок. Как узнала, что девочка будет, – сразу паника. Ведь по традиции семейной девочка обязана пойти в монастырь. И тут – как помутнение рассудка какое-то – обвинение себя в нарушении отцовских наставлений. Институт бросила, вернулась в монастырь, все пыталась грехи надуманные замолить. А как родила, лучше не придумала, как от ребенка отказаться. Решила оставить в роддоме, чтобы были

у дочки другие родители, чтобы спасти ее от этой страшной обязанности – уходить в монастырь. Роды были трудными. На всю жизнь Неонила запомнила ощущение внутренней пустоты, наступившее сразу после того, как раздался первый крик дочки. А еще пеленку, в которую завернули новорожденную. Белую с зелеными буквами «Минздрав». Акушерка положила малышку на грудь матери. «Может, передумаешь?» – спросила. А девочка хорошенькая, глазки зажмуренные, как у слепого котенка, губки крошечные. Помотала головой: не передумаю. И долго-долго смотрела на дочку. Та заворочалась, кулачок из пеленки выдрала. Сильная. Сильнее матери будет... Потом девочку унесли. А пустота осталась. Никуда не делась.

Как из роддома ушла – не помнила. Очнулась в больнице. В психиатрической. Оттуда вернулась в монастырь. Долго молилась. Сестры, как могли, ее поддерживали. Никто не обвинял в том, что дитя свое бросила. Никто не учил, что делать нужно. Ни к чему в дела Божьи вмешиваться. Бог поможет. И ведь помог – вдруг как пелена с глаз спала. Неонила поняла, что никому она ничем не обязана. Дочь ее – тем более. Поехала в роддом. А ребеночек – в доме малютки. Она туда. Со слезами, с молитвой. А девочки нет. Удочерили. На таких малышей в доме малютки очередь. Она потом еще долго ходила в тот дом малютки...

Учительница снова замолчала, думая о чем-то своем.

– И тогда она пришла к вам? – задал наводящий вопрос

Иван.

– Нет. Не тогда. Она вернулась в институт. Пыталась начать все заново, но сердце ее было разбито. Все искала свою дочку. И вдруг – Бог помог. Не скажу точно кто, но кто-то ей подсказал, где ее дочка находится и как ее зовут. Нашла в Интернете фотографию. Вылитая ее сестра Майя. Возраст подходящий. Неонила тогда уже институт закончила. Приехала ко мне. Она решила на работу устроиться к этим родителям приемным. Няней. Нужны были рекомендательные письма.

– И вы?

– Как я могла ей отказать? У меня среди бывших учеников есть довольно успешные люди. Помогли. Кто словом, кто делом.

– И что потом?

– Потом она звонила часто. Благодарила. Приезжать не приезжала. Боялась отца. Я ей даже не стала говорить, что он умер. Не знала, как она это воспримет. Вдруг начнет себя винить в его смерти?

– Она не говорила о планах на будущее?

– Нет. Она была счастлива. Да, счастлива.

«Что же такое счастье? – думал Рыбак, возвращаясь домой. – Просто жить рядом с родным человеком? Просыпаться и видеть родное лицо? Значит, он, Рыбак, несчастный человек? Выходит, так». Он вдруг почувствовал себя смертельно

но уставшим. Но отдыхать было некогда. До встречи с клиентом осталось чуть больше двенадцати часов, а нужно еще добраться до дома.

Он вдавил педаль газа. Катафоты на придорожных столбах слились в тревожную красную линию. На душе, непонятно почему, тоже сделалось тревожно. Интуиция, которую Рыбак называл чуйкой, о чем-то предупреждала. Параноиком Иван не был, поэтому, убедившись в том, что ремень безопасности пристегнут, упорно продолжал нестись дальше. Однако, отмахав километров пятьдесят, все-таки сдался. Свернул к придорожному кафе, где уже припарковались на ночлег три фуры. Есть не хотелось, желудок еще хранил сладкие воспоминания о борще. Рыбак ночевать в машине не любил, но на всякий пожарный имел в багажнике небольшую подушку и старый плед. Подушка пахла сыро-стью, да и плед не мешало бы подсушить, а может, еще и постирать предварительно, но выбирать не приходилось. К тому же долго спать Иван не собирался. «Я всего двадцать минут, как Штирлиц», – пообещал он неизвестно кому, опустил спинку переднего кресла и моментально заснул.

Надо ли говорить, что Штирлица из Рыбака не получилось. Продрав поутру глаза, он обнаружил, что его соседи по ночлегу уже разъехались и, чтобы успеть на встречу с Тарасовым, ему нужно поторопиться.

Приведя себя в порядок, насколько это было возможно, Иван тронулся в путь, на ходу подкрепляясь приобретенны-

ми в кафе плюшками и кофе. Однако сегодня удача была не на его стороне. На подъезде к Титовке он уперся в хвост огромной колонны машин, тянущихся за зерновозом. Судя по навигатору, через семь километров можно будет свернуть и попытаться объехать пробку через Успешное. А пока оставалось только размышлять, постукивая по рулю пальцами в такт мыслям.

Второй пробкой встретил его родной город. Но это уже были свои воды, в которых Иван знал обходные пути. Телефонный звонок настиг его уже на Тульской.

– Иван! Ты где? – если Тимур и злился, по голосу это не чувствовалось, Молчанов искусно владел даром сохранять хладнокровие в любой ситуации.

– Я уже подъезжаю. Пробка. Знаю, что опаздываю. Постараюсь через пять минут быть.

– Давай, Вань, постарайся.

Глава 9

Ася проснулась ни свет ни заря, очень уж боялась опоздать в первый же день на работу. В полседьмого она уже сидела на скамейке возле тарасовского подъезда в надежде, что кто-нибудь впустит ее. Выходившая из подъезда женщина с мопсом на поводке придирчиво осмотрела Асю с головы до ног и, убедившись в ее безобидности, придержала дверь.

Открыла ей Лада. Темно-серое платье-футляр, слегка подведенные глаза, чуть тронутые помадой губы – она словно сошла с обложки глянцевого журнала. Асе стало стыдно за свои джинсы и бесформенный свитер оверсайз.

– Здравствуйте, Ася! – Лада улыбнулась, и Ася немного успокоилась. – Проходите! Выпьете кофе? Я вчера с этими варениками забыла вам дать ключ от квартиры. Вы уж меня извините, пожалуйста.

Она пошла по коридору, и Ася, наскоро сбросив ботинки, поспешила следом.

Лада еще раз подробно рассказала Асе, что и в какой последовательности она должна делать.

– Если что, сразу звоните мне, – и она протянула Асе визитку. – И ключи держите. Вот этот – от входной двери, этот – от вашей комнаты, этот – от домофона.

«Тарасова Лада Викторовна», – прочитала Ася на визитке и положила ее вместе с ключами на стол.

– Да не волнуйтесь вы так, – улыбнулась Лада, – у вас все получится. И еще, насчет Ольги Эдуардовны. Мне показалось, вы вчера очень уж близко к сердцу приняли ее наскоки.

Ася помотала головой, она выслушивала в свой адрес и не такие шпильки.

– Она просто хочет сразу расставить приоритеты, – продолжала Лада. – Показать, кто в доме хозяин. Как кошка. Попытайтесь ставить ее на место – начнет гадить в тапочки. Поэтому лучше позволить ей думать, что вы приняли ее первенство.

Асе очень хотелось спросить: зачем держать в доме кошку, от которой нужно прятать тапки, но она, как всегда, предпочла промолчать.

Разбудив Машу, Лада умчалась на работу. Маша потребовала, чтобы Ася заплела ей такую же косу, как у нее. Долго крутилась у зеркала, то так, то этак укладывая челку. Наконец, оставшись довольной своим видом, сделала пару глотков сока, откусила кусок круассана, напрочь проигнорировав приготовленный матерью омлет, и заявила:

– Я готова, можно ехать.

Пальто Ася натягивала уже на лестнице, пока ее ученица закрывала входную дверь.

Машина – серебристая «Тойота» – была такой чистой и блестящей, что у Аси даже дух захватило. Увидев Машу, водитель, мужчина лет пятидесяти, вышел и открыл заднюю дверь. Маша устроилась на заднем сиденье, а Ася, недолго

думая, села вперед и аккуратно закрыла дверь.

– Я – Ася, – представилась она.

– Андрей Петрович, – сказал водитель. – В школу?

Говор у него был мягкий, улыбка тоже мягкая, располагающая. И утреннее нервное напряжение стало потихоньку оставлять Асю. Она поерзала, устраиваясь поудобнее, и с интересом разглядывала пробегающие за окном дома. Ехали они довольно долго – без малого полчаса. Школа – старинное трехэтажное здание из темно-серого ноздреватого камня с высокими готическими окнами и двумя круглыми башнями по краям – напоминала рыцарский замок. Наверное, летом и осенью школа густо зарастала плющом, а сейчас его ростки, лишенные листы, змеились по стенам. Вокруг школы, словно почетный караул, выстроились дубы – все, как на подбор, ладные, кряжистые, исполненные внутренней силы.

– Школа похожа на Хогвартс, – тихо сказала Ася, когда они с Машей вышли из машины.

Девочка посмотрела на нее внимательно, потом перевела взгляд на резную входную дверь и восхищенно произнесла:

– Ага!

От старых стен, на которых само время оставило свой отпечаток, веяло благородством и спокойствием. Ася почувствовала приступ легкой ностальгии по беззаботной школьной жизни.

– В три? – спросила Маша, берясь за ручку двери – старинную латунную ручку, отполированную миллионами при-

косновений человеческих рук.

– В три, – подтвердила Ася и пошла к машине, возле которой ее поджидал Андрей Петрович. В машине тихо играла классическая музыка. Вальс Шостаковича, узнала Ася.

– Куда едем? – спросил Андрей Петрович, приглушив звук.

– Нет! Нет! – испуганно замотала головой Ася. – Я сама.

– Сама так сама, – покладисто согласился водитель. – Если что, я в вашем распоряжении до вечера.

– Давайте в три часа здесь встретимся. Нет, лучше без пяти-надцати...

– Боитесь, что я опоздаю? – усмехнулся Андрей Петрович.

– Нет, боюсь, что я опоздаю.

– Никогда не нужно бояться! Ну, я поехал?

– Да, конечно.

«Тойота», влившись в поток проезжающих мимо школы машин, исчезла из виду. Выглядел водитель вполне прилично, водил осторожно, абсолютно не лихачил, музыку слушал хорошую, и, опять же, кому попало Тарасовы свою дочь не доверят, но тем не менее Ася вздохнула с облегчением. Свободна!

До трех времени было предостаточно, и перво-наперво нужно было съездить в «Кайрос». Рассказать о своих впечатлениях о тарасовской семье и узнать, как продвигается расследование.

Глава 10

– Кофе? – спросил Тимур, стоило ей оказаться в офисе. Тут же утренний недосып дал о себе знать.

– Да, и покрепче, – ответила Ася, борясь с подступающей дремотой.

– Ну и как тебе Тарасовы? – спросила Кристина, подходя к подруге и чмокнув ее в холодную щеку.

– Лада с дочкой – просто одно лицо. Может, Тарасов нас мистифицирует?

– Мистифицирует! Как же! – фыркнул Лебедев. – Я тут прогнал портреты всех троих через специальную программу – ни одной общей черты. Хотите глянуть?

– Сначала кофе! – Ася кивком поблагодарила Молчанова, вручившего ей чашку с кофе. – Ну, показывай!

Она подошла к Лебедеву, и тот развернул к ней монитор своего компьютера, на котором дружно улыбались трое Тарасовых – Прохор, Лада и Маша. Лебедев покликал по фотографии мышкой, потом открыл какую-то таблицу и принялся что-то объяснять про отклонение величины лицевого угла у родителей и девочки, разную ширину скул и расстояние между глазами.

– Это все хорошо, – сказала вконец запутавшаяся Ася, – но ты рассуждаешь теоретически, а я видела их живьем – мать и дочь. Они нереально похожи.

– Точно так же похожи супруги, прожившие много лет вместе, – парировал Лебедев. – Они подстраиваются друг под друга, перенимают друг у друга привычки, которые им нравятся в партнере.

Вступать в дискуссию Ася не стала и сменила тему.

– А Ваня нашел Неонилу?

– Пока нет, – Тимур покачал головой. – Сестра не знает, где она может находиться.

– А мобильный?

– Мобильный выключен.

Тут Ася вспомнила про карточку.

– Можно еще попробовать определить ее местонахождение с помощью банковской карты.

– Это как? – Кристина, до этого что-то набивавшая в своем компьютере, оставила это занятие и внимательно смотрела на Асю.

– Ну не знаю, я видела по телевизору, определяли, где преступник картой воспользовался, и ловили его.

– Так то преступник... – Кристина покачала головой. – Неонила же не преступница.

– А что! – взбодрился Лебедев. – Нужно узнать, какого банка у нее карта, и попробовать крякнуть.

– Чего? – переспросила Ася.

– Ну крякнуть! Крэкнуть то есть! Мочкануть...

– Я тебе крякну! – возмутился Молчанов. – Нам только уголовщины не хватало!

– Это в вас, Тимур Михайлович, бывший директор банка говорит. Если бы вы, к примеру, были бывшим директором зоопарка...

– Хватит! Это не обсуждается.

– Вот так всегда! Мысль убита на взлете...

– Ты лучше следи за телефоном Фроловой. Вдруг включится, пока ты тут летаешь.

– Машинка следит, – обиженно буркнул Федор и полез в стол за едой.

– Первоочередной задачей остается найти Неонилу, – сказала Кристина, вставая и подходя к столу Федора. – Ты не разговаривала с Тарасовой?

– Думаешь, это так просто? – вспыхнула Ася. В памяти возникла вчерашняя Баба-яга, вареники с вишнями... Лицо Кристины расплылось в тумане.

– Э, да ты чего? Ревешь? – Кристинины глаза наполнились сочувствием.

– Вот еще... – Ася потянулась за остывшим кофе, стараясь скрыть от проницательной подруги набежавшие слезы. Ну не выходит из нее детектива, хоть ты тресни!

Кристина тактично не стала заострять внимание на тревожном состоянии коллеги.

– Ась, думаю, Ваня быстро со всем этим разберется. Нам только нужно помочь ему. Ты можешь поискать в комнате, где жила Фролова, хоть какие-нибудь намеки на ее теперешнее местонахождение? Любые!

И тут Ася вспомнила, что комната Неонилы, да что там комната, вся тарасовская квартира сейчас в ее полном распоряжении. И хотя идея копаться в вещах бывшей няньки, словно на букинистическом развале, ей претила, но желание помочь Ивану оказалось сильнее.

– Я попробую, – сказала она решительно. Так же решительно допила кофе и пошла к двери.

– Тебя подвезти? – крикнул вдогонку Тимур.

– Не надо, доберусь сама.

Глава 11

Не прошло и получаса, как Ася горько пожалела о своей самостоятельности. Вместо приятной поездки в молчановской «Тойоте», вкусно пахнувшей кожей и цитрусовым коктейлем, она почти полчаса проторчала на остановке в ожидании маршрутки. Солнце грело не по-апрельски, но окна автобуса были намертво закрыты, из-за чего Ася чувствовала себя Ионой в утробе кита. На Руднева кит встрял в бесконечную пробку. Ехать оставалось какие-то три остановки, и Ася решила пойти пешком.

Она шла по городу и жалела людей, запертых в маршрутках и троллейбусах, душных квартирах и офисах, не замечающих, как прекрасны омытые солнцем деревья. Наверное, как побочный эффект от автобусной духоты, избыток свежего воздуха кружил голову, а в душе буйствовала такая эйфория, что хотелось петь во весь голос или читать стихи:

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...⁵

– Куда прешь, дура! – это гласили явно не воды. То есть

---

⁵ Ф. Тютчев «Весенние воды».

вода точно присутствовала, вернее не вода, а кофе. Размечтавшаяся Ася врезалась в девицу, распивающую на ходу кофе, в результате чего большая часть напитка оказалась на ее куртке.

Судя по помятому лицу и мощному выхлопу перегара, девица возвращалась с какого-то увеселительного мероприятия.

Ася было собралась пуститься в извинения и хотела предложить компенсировать разлитый напиток, но вдруг резко остановилась. В памяти всплыли картины последних дней, одна нелепее другой: свитер, обрызганный кофе во время разговора с Кристиной, обжигающий вареник, с вытекающим из пронзенного вилкой бока соком, пренебрежительная ухмылка Ольги Эдуардовны, сегодняшний разговор с Кристиной. И вот теперь. Куртку придется нести в химчистку, а она, Ася, еще собирается извиняться. Да сколько же можно! То ли на нее так подействовала прогулка по апрельскому городу, то ли количество неурядиц переросло в качество, и под действием этого процесса что-то изменилось в самой Асе, но вместо извинений она грозно нахмурила брови и, сказав: «Сама такая», бросилась ловить такси – не ехать же за Машей в Хогвартс в заляпанной куртке!

«В следующий раз ни за что не откажусь, если кто-нибудь предложит меня отвезти», – пообещала себе Ася, устроившись на заднем сиденье автомобиля.

Она посмотрела на часы. Час. Времени предостаточно,

чтобы переодеться, заехать на полчаса к Тарасовым, а потом отправиться за Машей. Попросив водителя подождать ее, Ася мигом взлетела на свой этаж, поражаясь непонятно откуда взявшейся энергии, надела темно-синий велюровый плащ, который был приобретен специально «на выход» и с момента покупки надевался всего пару раз. Плащ требовал приличной обуви, и Ася, скинув удобные ботиночки, влезла в сапоги на каблуках. Каблуки, скорее – каблочки, были небольшими, вполне устойчивыми, но с непривычки Асе казалось, будто она встала на ходули. «Встала на ходули – не страшит болото», – вспомнилась детская загадка про цаплю. В кармане плаща обнаружился бархатный мешочек с аметистовыми сережками. Сережки Ася купила в интернет-магазине специально для новогоднего бала, когда еще работала в школе. Для обыденной жизни выглядели они уж очень вызывающе. Хотя с плащом смотрелись здорово. Ася спрятала их, надеясь, что когда-нибудь в ее жизни случится тот самый «выход», на который они пригодятся. Камень трезвости и мудрости – так характеризовали аметист менеджеры интернет-магазина. С трезвостью проблем у нее не было, а вот мудрость... Мудрости не мешало бы добавить. И Ася решительно сняла свои маленькие золотые подковки, универсальное украшение, подаренное мамой на окончание школы, и надела торжественно мерцающие аметисты. Сейчас, глядя на себя в зеркало, она подумала, что вся ее жизнь была спрятана в замшевый мешочек и отложена на потом. Доставалась

редко, по особым случаям, и потом быстренько – как бы чего не случилось – пряталась обратно, в темный и безопасный шкаф. Может, настало время выпустить жизнь на свет божий и посмотреть, что из этого получится?

Ботиночки, Асины бессменные спутники, грустно жались друг к дружке на полу. Мелькнула мысль взять их с собой, чтобы при случае переобуться. Но в сумочку они, как ни старайся, не залезут, а громоздкий пакет будет нарушать гармоничный образ незнакомки, улыбающейся Асе из зеркала.

– Пока, – Ася помахала обувке и побежала вниз по лестнице, напевая про себя: «Встала на ходули – не страшит болото!»

Таксист на Асины метаморфозы никакого внимания не обратил. За считанные минуты домчал ее до тарасовского дома и уехал. Ася полезла в сумочку и замерла – ключей не было. Но ведь она точно помнила, как Лада дала ей свою визитку, ключ от квартиры и «таблетку» для домофона. А что было потом? В памяти словно какой-то провал образовался. Появлялась Маша, завтракала. Они выходили из квартиры, и... Точно! Маша закрывала дверь сама. Значит, ключи или у Маши, или... И тут Ася явственно вспомнила, как положила ключи с визиткой на стол. Раззява! Как же так можно! Она оставила ключи и теперь попасть в квартиру сможет только с Машей.

На мгновение ее охватило отчаяние. Но лишь на мгновение. Новая Ася, та самая, что раньше пряталась в шкафу, а

сегодня вырвалась на волю, сказала: «Ну и подумаешь, забыла ключи! Пусть на сегодня это будет твоя самая большая неприятность!»

В этот момент из остановившегося у подъезда автомобиля вышла Лада в элегантном кашемировом полупальто – бежевом, с рукавами чуть ниже локтя, длинными черными перчатками и нарочито небрежно повязанным шелковым оливковым шарфиком. Ася похвалила себя за выбор гардероба. А потом она увидела лицо своей работодательницы, злое и одновременно несчастное, и поняла – неприятности только начинаются.

– Ася? Что вы тут делаете? – спросила Лада, поднося к домофону магнитный ключ.

– Я... – Домофон пискнул, Лада прошла в подъезд, и Ася скользнула следом, так и не придумав, что сказать.

Через минуту Ася уже заскочила на кухню, где на столе действительно лежали оставленные ключи. Выдохнув с облегчением, она засунула пропажу в сумочку. Лада тем временем вела себя очень странно. Расстегнув пальто, она села на стул, откинулась на спинку стула и некоторое время изучала потолок. Потом вдруг резко спросила:

– Хотите выпить?

«Нет!» – возмутился в Асиных сережках камень трезвости.

«А что? Может, таким образом можно попытаться ее разговорить?» – возразил камень мудрости.

«Ни за что! – настаивала трезвость. – А если это провер-ка! Выпьешь – и попрут тебя из дома. Кому нужна пьющая нянька для любимой дочери?»

– Мне же за Машей ехать к трем часам, – неуверенно воз-разила Ася.

– Сейчас тринадцать тридцать, успеете, – сказала Лада, взглянув на часы. – Где Андрей Петрович?

– Э-э-э, – замялась Ася, – мы договорились у школы встретиться.

Лада стащила пальто, положила его на стол, вытащила из кармана мобильный и, отойдя к окну, набрала номер. Ася, решив деликатно удалиться, подхватила хозяйкино пальто и отправилась в прихожую, но на ходу услышала, что Лада звонит водителю и просит его сейчас же приехать, а по при-бытии позвонить.

Вернувшись в кухню, Ася обнаружила на столе две рюм-ки. Лада, открыв шкаф, рассматривала этикетки выстроив-шихся в ряд бутылок.

– Вы что предпочитаете, вино или коньяк? – не глядя на Асю, спросила она.

– А вы?

– Да я, собственно... – Лада задумалась, и в этот момент зазвонил ее мобильный телефон.

– Да, я слушаю, – ответила Лада.

А потом глаза ее расширились, стали огромными и страш-ными. Схватив сумку, она бросилась к двери.

Глава 12

Тарасов толкнул дверь офисного здания и с удовольствием глотнул свежего апрельского воздуха. В следующую минуту он понял, что опрометчиво не взял куртку, подавившись обману яркого апрельского солнца. Следовало, конечно, вернуться в кабинет и одеться, но душившая Прохора ярость не позволяла ему этого сделать. Виновником таких бурных эмоций был вовсе не молчановский детектив, опаздывающий уже на десять минут. Вызвал гнев Прохора Руслан Ларин, тот самый, который вчера устроил пикет под его окнами на глазах у немецкой делегации.

Ларина угораздило купить квартиру в строящейся башне у подножия Красной горки. Эксклюзивный проект, подземный паркинг, стеклянные стены от пола до потолка, великолепный вид на город... Все бы хорошо, но перед самой сдачей в эксплуатацию и торжественной выдачей ключей свежевystроенный дом дал серьезную трещину и опасно накренился. Виноватых масса: проектировщики недосмотрели, геологи прошляпили тектонический разлом, ну и вдобавок бетон был не очень качественным.

Укрепление фундамента различными способами результатов не дало. Красавец дом застыл осовремененной копией знаменитой Пизанской башни. В нем не то чтобы жить — стоять рядом было страшно. На крыше уход от вертикали

составлял почти шесть метров. Исчерпав все возможные варианты, компания-застройщик «Сити» объявила, что единственно возможным остается разобрать дом и построить заново. Вот только средств на это у «Сити» не осталось.

Жильцы злополучной высотки создали шарашку, гордо именуемую «Инициативная группа», и пытались по-хорошему или по-плохому выбить деньги у фирм, так или иначе «отметившихся» в неудачном строительстве. Возглавил группу Ларин, бывший журналист из городской газеты. Он прославился темпераментным репортажем о строительстве, факты в котором на поверку были искусно подтасованы в угоду ларинской фабуле. Отклонение от истины стоило редакции внушительного штрафа, а злополучному автору – пожизненной славы клеветника. Двери приличных заведений перед ним закрылись, а сомнительные фирмы с маленькими калиточками не могли обеспечить тот финансовый размах, к которому привык он и его большое семейство. Большое, потому что двадцативосьмилетний Ларин являлся отцом четверых детей.

И кстати вчера, после того, как полиция отправила пикетчиков по домам, немецкие представители предложили абсолютно бесплатно исправить фундамент дома с помощью новейшей запатентованной технологии. Бесплатно – потому что уж очень были заинтересованы в партнерстве с «Железобетоном». И хотя Тарасов знал, что бесплатный сыр очень уж пахнет мышеловкой и что расплачиваться за добрые

дела придется долго и трудно, он согласился. Имидж – он и в Африке имидж.

А сегодня в офис «Железобетона» появился Ларин. Тарасов разрешил его пустить, так как спешил поделиться новостями. Но не успел. Ларин с порога, словно мелкий вымогатель, стал просить внести добровольный взнос якобы для оплаты каких-то судебных издержек. Сумма была небольшая, Тарасов, может, и пошел бы навстречу, но уж больно вызывающий тон был у просителя, словно Тарасов ему обязан.

В результате Ларин ушел ни с чем, а Тарасов, послушавшись по кабинету и позвонив Молчанову, решил подождать детектива на улице.

Рыбак уже въезжал на парковку между офисом «Железобетона» и торговым центром «Корона». Тарасова, стоявшего на крыльце, он узнал по описанию, данному Молчановым. Рыбак притормозил, выбрался из машины, мысленно заготовив оправдательную фразу, и в этот момент прозвучал выстрел. Это произошло так неожиданно и даже обыденно, словно где-то неподалеку лопнула крышка. Но искаженное от боли лицо Тарасова, схватившегося за рукав и растерянно крутившего головой по сторонам, эту версию опровергало. Боковым зрением Рыбак заметил какое-то движение на крыше офисного здания. С криком «ложись» он бросился к Тарасову, повалил на землю и закрыл своим те-

лом, пребольно ударившись головой о бордюр. Где-то совсем рядом взвыла полицейская сирена. Время застыло. Рыбак почти физически ощущал под левой лопаткой точку, куда должна ударить следующая пуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.